

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

Утверждено научно-методическим советом филологического факультета,
протокол № 4 от 19 апреля 2007 г.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX ВЕКА

Часть 2

Тексты и задания к практическим занятиям

Составитель
А.А. Житенёв

Тесты и задания подготовлены на филологическом факультете
Воронежского государственного университета.

Рекомендуется для иностранных студентов-бакалавров IV курса.

Издательско-полиграфический центр
Воронежского государственного университета
2007

Для специальности: 031000 (520300) – Филология
ОПД.Ф.03.01

Задание 1.

А. Ознакомьтесь с комментарием.

Рождество – христианский праздник, рождение Иисуса Христа. *Толково* – зд.: с особым вниманием, деликатно. *Обронённая* – уроненная. *Изразцы* – фаянсовые плитки с узором или рисунком, покрывающие печь в богатых домах. *Смежный* – зд.: стоящий рядом. *Неприметный* – незаметный. *Тучный* – полный, толстый. *Заправленная лампа* – наполненная керосином лампа. *Беззвучно* – тихо. *Нелепый* – бессмысленный. *Половица* – доска пола. *Поддаться* – зд.: открыться. *В лицо ударил блистательный мороз* = (герой) ослеп от сияния снега на солнце. *Строеньице* = домик. *Лапа* (о хвойных деревьях) – ветка. *Оснежённый* – покрытый снегом. *Теребить* – трогать снова и снова без особого смысла, вертеть в руках. *Белокаменный склеп*: *белокаменный* – построенный из белого камня или кирпича; *склеп* – семейное захоронение (при церкви или на кладбище в виде отдельного небольшого здания). *Погожий* – с хорошей погодой. *Гладь* (о воде) – поверхность. *Прорубь* – дыра во льду реки или озера, сделанная или для ловли рыбы, или для стирки белья, или для купания после бани. *Погост* – кладбище. *Пахнуло* – повеяло, подуло. *Гулкие* – с сильным эхом. *Сени* (устар.) – помещение при входе в дом, где можно разуться и раздеться, оставить верхнюю одежду. *Зной* – жара. *Отливать шёлком* = блестеть как шёлк. *Махаон, мотылёк* – виды бабочек. *Лазурный* – голубой. *Крапинка* – маленькое пятнышко. *Сизый* – серо-голубой. *Аршинный*: *аршин* – старинная русская мера длины, 0,711 метра. *Ёлка* – дерево, атрибут новогоднего праздника, символ вечной жизни. *Макушка* – вершина. *Подвязывать* = привязывать. *Озябший* – замёрзший. *Сочельник* – ночь накануне Рождества, согласно народным поверьям допускающая возможность чуда. «*Фрегат Паллада*» – книга русского писателя 19 в. И. Гончарова о путешествии вокруг света. *Трепетать* – дрожать. *Мужать* – становиться мужественным; зд.: – превращаться из мальчика в мужчину.

Б. Найдите в словаре значение следующих слов и словосочетаний: *усадьба, плюшевый, флигель, галерея, сугроб, керосин, абажур, веранда, лавка, ромб, корица, сосулька, тиски, клумба, купол, валенки, полушубок, каракуль, перила, склон, усеять, серёжки, бред, паркет, полотняный, ставни, створки (створчатый), коптить, чехол, бисквит, кокон, сачок, кися, обруч, горб (горбиться), мохнатый, булавка, картавый, поморщиться, булавка, шкатулка, немыслимо, почерк, болото, переглянуться, рыдание, стонать (простонать), скороговорка, тикать, лопнуть, щёлкнуть, выпутиться, жест, изнемогать, лоскут(ок), бахрома (бахромка), бархат, жила, шелкопряд, слюда (слюдяной).*

Задание 2. Прочитайте текст.

Рождество

Вернувшись по вечерёющим снегам из села в свою усадьбу, Слепцов сел в угол, на низкий плюшевый стул, на котором он не сидел никогда. Так бывает после больших несчастий. Не брат родной, а случайный *неприметный* знакомый, с которым в обычное время ты и двух слов не скажешь, именно он толково, ласково поддерживает тебя, подаёт *обронённую* шляпу, – когда все кончено, и ты, пошатываясь, стучишь зубами, ничего не видишь от слез. С мебелью – то же самое. Во всякой комнате, даже очень уютной и до смешного маленькой, есть нежилой угол. Именно в такой угол и сел Слепцов.

Флигель соединён был деревянной галереей – теперь загромождённой сугробом – с главным домом, где жили летом. Незачем было будить, согревать его, хозяин приехал из Петербурга всего на несколько дней и поселился в *смежном* флигеле, где белые *изразцовые* печки натопить – дело лёгкое.

В углу, на плюшевом стуле, хозяин сидел, словно в приёмной у доктора. Комната плавала во тьме, в окно, сквозь стеклянные перья мороза, густо синел ранний вечер. Иван, тихий, *тучный* слуга, внёс заправленную, керосиновым огнём налитую лампу, поставил на стол и беззвучно опустил на неё розовый абажур. На мгновение в наклонённом зеркале отразилось его освещённое ухо и седой ёж волос. Потом он вышел, мягко скрипнув дверью, и оставил Слепцова одного.

Когда на следующее утро, после ночи, прошедшей в мелких *нелёпых* снах, вовсе не относившихся к его горю, Слепцов вышел на холодную веранду, так весело скрипнула под ногой *половица*, и на белую лавку легли райскими ромбами отраженья цветных стёкол. Дверь, хотя и не сразу, *поддалась*, и в лицо ударил *блистательный мороз*. Песком, словно рыжей корицей, усыпан был лёдок, облепивший ступени крыльца, а с края крыши свисали толстые сосульки, светящиеся зеленоватой синевой. Сугробы подступали к самым окнам флигеля, плотно держали в морозных тисках оглушённое деревянное *строеньице*. Перед крыльцом чуть вздувались над гладким снегом белые купола клумб, а дальше сиял высокий парк, где каждый чёрный сучок был в серебре, и ёлки поджимали зелёные *лапы* под пухлым и сверкающим грузом.

Слепцов, в высоких валенках, в полушубке с каракулевым воротником, тихо зашагал по прямой, единственной расчищенной тропе в эту ослепительную глубину. Он удивлялся, что ещё жив, что может чувствовать, как блестит снег, как ноют от мороза передние зубы. Он заметил даже, что *оснежённый* куст похож на застывший фонтан, и что на склоне сугроба – пёсы следы. Немного дальше торчали столбы мостика, и тут Слепцов остановился. Горько, гневно столкнулся с перил толстый

пушистый слой. Он сразу вспомнил, каким был этот мост летом. По скользким доскам, усеянным серёжками, проходил его сын, ловким взмахом сачка срывал бабочку, севшую на перила. Вот он увидел отца. Неповторимым смехом играет лицо под краем соломенной шляпы, рука *теребит* цепочку и кожаный кошелёк на широком поясе, весело расставлены милые, загорелые ноги в коротких штанах, в промокших сандалиях. Совсем недавно, в Петербурге, – радостно, жадно поговорив в бреду о школе, о велосипеде, о какой-то индийской бабочке, – он умер, и вчера Слепцов перевёз тяжёлый, словно всю жизнь наполненный гроб, в деревню, в маленький *белокаменный склеп* около сельской церкви.

Было тихо, как бывает тихо только в *погожий*, морозный день. Слепцов, высоко подняв ногу, свернул с тропы и, оставляя за собой в снегу синие ямы, пробрался между стволов удивительно светлых деревьев к тому месту, где парк обрывался к реке. Далеко внизу, на белой *глади*, у *проруби*, горели вырезанные льды, а на том берегу, над снежными крышами изб, поднимались тихо и прямо розоватые струи дыма. Слепцов снял шапку, прислонился к стволу. Где-то очень далеко колóбли дрова, – каждый удар звонко отпрыгивал в небо, – а над белыми крышами изб, за лёгким серебряным туманом деревьев, слéпо сиял церковный крест.

После обеда он поехал на кладбище, – в старых санях с высокой прямой спинкой. Приехав, он просидел около часу у могильной ограды, положив тяжёлую руку в шерстяной перчатке на обжигающий сквозь шерсть чужóн, и вернулся домой с чувством легкого разочарования, словно там, на *погосте*, он был еще дальше от сына, чем здесь, где под снегом хранились летние следы его быстрых сандалий.

Вечером, сурóво затосковав, он велел отпереть большой дом. Когда дверь с тяжёлым скрипом раскрылась и *пахнуло* каким-то особенным, незимним холодком из *гулких* железных *сеней*, Слепцов взял из рук сторожа лампу и вошёл в дом один. Паркетные полы тревожно затрещали под его шагами. Комната за комнатой заполнялись жёлтым светом; мебель, накрытая ткáнями, казалась незнакомой; вместо люстры висел с потолка полотняный мешок, – и громадная тень Слепцова, медленно вытягивая руку, проплывала по стене, по серым квадратам занавешенных картин.

Войдя в комнату, где летом жил его сын, он поставил лампу на подоконник и наполовину отвернул, ломая себе ногти, белые створчатые ставни, хотя все равно за окном была уже ночь. В тёмно-синем стекле загорелось жёлтое пламя, и скользнуло его большое, бородатое лицо.

Он сел у голого письменного стола, строго, исподлóбья, оглядел блédные в синеватых розах стены, узкий шкаф вроде конторского, с выдвижными ящиками снизу дóверху, диван и кресла в чехлах, – и вдруг, уронив голову на стол, страстно и шумно заплакал, прижимая то губы, то мокрую щеку к холодному пыльному дереву и цепляясь руками за крайние углы.

В столе он нашёл тетради, перья для письма, коробку из-под бисквитов с крупным индийским коконом. О нём сын вспоминал, когда болел, жалел, что оставил, но утешал себя тем, что куколка в нём, вероятно, мёртвая. Нашёл он и порванный сачок – кисейный мешок на складном обруче, и от кисей ещё пахло летом, травяным *знóем*.

Потом, горбясь, всхлипывая всем корпусом, он принялся выдвигать один за другим стеклянные ящики шкафа. При тусклом свете лампы *шёлком отливали* под стеклом ровные ряды бабочек. Тут, в этой комнате, вон на этом столе, сын расправлял свою поймку, пробивал мохнатую спинку чёрной булавкой, втыкал бабочку в щель меж раздвижных дощечек, распластывал, закреплял полосами бумаги мягкие крылья. Теперь они давно высохли – нежно поблёскивают под стеклом хвостатые *махалоны*, небесно-лазурные *мотыльки*, рыжие крупные бабочки в чёрных *кратинках*. И сын произносил латынь их названий слегка картаво, с торжеством или пренебрежением.

Ночь была *си́зая*, лунная; тонкие тучи рассыпались по небу, но не касались лёгкой ледяной луны. Деревья отбрасывали чёрную тень на сугробы, загоравшиеся там и здесь металлической искрой. Во флигеле, в жарко натопленной плюшевой гостиной, Иван поставил на стол *аршинную ёлку* в глиняном горшке и как раз *подвязывал* к её *макушке* свечу, – когда Слепцов, *озябший*, заплаканный, с пятнами тёмной пыли, приставшей к щеке, пришёл из большого дома, неся деревянный ящик под мышкой. Увидя на столе ёлку, он спросил рассеянно, думая о своём: «Зачем это?». Иван, освобождая его от ящика, низким голосом ответил: «Праздничек завтра». «Не надо, убери...», – поморщился Слепцов, и сам подумал: «Неужели сегодня *Сочельник*? Как это я забыл?». Иван мягко настаивал: «Зелёная. Пускай постоит...» «Пожалуйста, убери», – повторил Слепцов и нагнулся над принесённым ящиком.

В нём он собрал вещи сына – сачок, бисквитную коробку с каменным коконом, булавки в лаковой шкатулке, синюю тетрадь. Первый лист тетради был наполовину вырван, дальше шла запись по дням, названия пойманных бабочек и другие заметки: «Ходил по болоту до Боровичей...», «Сегодня идёт дождь, играл в шашки с папой, потом читал скучнейшую *«Фрегат Палладу»*, «Чудный жаркий день. Вечером ездил на велосипеде. Проезжал, нарóчно два раза, мимо её дачи, но её не видел...».

Слепцов поднял голову, проглотил что-то – горячее, огромное. О ком это сын пишет? «Ездил, как всегда, на велосипеде» – стояло дальше. «Мы почти переглянулись. Моя прелесть, моя радость...». «Это немисливо, – прошептал Слепцов, – я ведь никогда не узнаю...». Он опять наклонился, жадно разбирая детский почерк, поднимающийся, заворачивающий на полях. «Сегодня – первый экземпляр траурницы. Это значит – осень. Вечером шёл дождь. Она, вероятно, уехала, а я с нею так и не познакомился. Прощай, моя радость. Я ужасно тоскую...». «Он ничего не

сказал мне...» – подумал Слепцов и встал. Затряс головой, удерживая приступ страшных сухих рыданий. «Я больше не могу...» – простонал он, растягивая слова, и повторил ещё протяжнее: «Не – могу – больше...». «Завтра Рождество, – скороговёркой пронеслось у него голоvé. – А я умру. Конечно. Это так просто. Сегодня же...».

Тикали часы. На синем стекле окна теснились узоры мороза. Открытая тетрадь сияла на столе, рядом сквозила светом сеть сачка, блестел угол коробки. Слепцов зажмурился, и на мгновение ему показало, что до конца понятна, до конца обнажена земная жизнь – горестная до ужаса, унижительно бесцельная, бесплодная, лишённая чудес...

И в то же мгновение щёлкнуло что-то – тонкий звук – как будто лопнула натянутая резина. Слепцов открыл глаза и увидел: в бисквитной коробке торчит прорванный кокон, а по стене, над столом, быстро ползёт вверх чёрное сморщенное существо величиной с мышь. Оно остановилось, вцепившись шестью мохнатыми лапками в стену, и стало странно трепетать. Оно вылупилось оттого, что изнемогающий от горя человек перенёс жестяную коробку к себе, в тёплую комнату, оно вырвалось оттого, что сквозь тугий шёлк кокона проникло тепло, оно так долго ожидало этого, так напряжённо набиралось сил и вот теперь, вырвавшись, медленно и чудесно росло. Медленно разворачивались смятые лоскутки, бархатные бахромки, крепки, наливаясь воздухом, жилы. Оно стало крылатым незаметно, как незаметно становится прекрасным *мужающее* лицо. И крылья – ещё слабые, ещё влажные – всё продолжали расти, расправляться, вот развернулись до предела, положенного им Богом, – и на стене уже была – вместо комочка, вместо чёрной мыши, – громадная ночная бабочка, индийский шелкопряд, что летает ночью, как птица, вокруг фонарей Бомбея.

И тогда простёртые крылья, загнутые на концах, тёмно-бархатные, с четырьмя *слюдяными оконцами*, вздохнули в порыве нежного, почти человеческого счастья.

Задание 3. Ответьте на вопросы к тексту.

1. Где и когда происходит действие рассказа, кто его главный герой?
2. Какое несчастье произошло с главным героем?
3. Как переживает Слепцов свое горе?
4. Почему красота зимней природы вызывает у него раздражение?
5. Зачем старый слуга приносит в дом елку?
6. Что из рассказа известно о сыне Слепцова?
7. Что о сыне узнает Слепцов, читая его дневник?
8. Какое значение в рассказе имеет появление бабочки?
9. В чем смысл названия рассказа?

Александр Солженицын

Задание 1.

А. Ознакомьтесь с комментарием.

Калита – 1. Старинное русское название денежной сумки или мешка; зд.: небольшой карман. 2. Калита Иван – Великий князь Московский (рубеж 13 и 14 вв.), начавший объединение русских земель вокруг Москвы. *Летнее велосипедное* – зд.: история, связанная с летними поездками на велосипеде. *Поле Куликово* – место сражения 8 сентября 1380 г. между армией Московского князя и армией монголо-татар, победа в которой приблизила освобождение русских земель из-под власти Золотой Орды. *Щит* – зд.: рекламный щит, указатель. *Зазывать* – приглашать. *Мамаева высота* – холм на Куликовом поле. *Русоволосый* – блондин. *Ратник* (устар.) – воин, солдат. *Басурмане* (устар.) – иноземные захватчики, оккупанты. *По охоте* – по своей воле. *Таить* – скрывать. *Черкесы* – один из народов Кавказа, *генуэзцы* – жители итальянского города Генуя (в Средние века в Крыму на юге России была торговая колония генуэзцев). *Литовцы*. Великое княжество Литовское – один из самых сильных соперников Московского государства на западных границах в Средние века. *Мамай* – военачальник Золотой Орды. *Пустопорожнее* – зд.: ничем не засеянное. *Ковыль* – степное растение. *Сишбаются Телебей с Пересветом* – т. е. вступают в битву, в поединок. Речь идёт о легендарном поединке двух самых сильных воинов русской и монгольской армий перед началом большого сражения. Предполагалось, что победа кого-то из них решит исход всей битвы, однако воины оказались одинаково сильны, оба погибли и большое сражение состоялось. *Стяги* (устар.) – флаги, знамёна. *Ядро* – зд.: центр русского отряда. *Повелась* – зд.: началась. *Ражий* (разг.) – очень сильный, крупный (о человеке). *Привольно* – свободно. *Рыжизна* – рыжие волосы. *Не губы распустия ходят* (фразеологизм) = не делают всё, что хотят, а ведут себя в соответствии с определёнными правилами. *Подштопанный* – зашитый, отремонтированный (о разорванной одежде). *Серо-буromалиновый* – неопределённого цвета (о грязной одежде). *Повеличать* (устар.) – в знак особого уважения обратиться по имени-отчеству. *Книга Отзывов* – книга или журнал, в который посетители музея записывают свои впечатления. *Перехватить* – зд.: перебить, задать вопрос. *Грамотка* (устар.) – зд.: письменный документ. *Запаиный* – очень широкий, с запахивающими полами. *Загребая ногами* – неловко переставляя ноги, зд.: хромая. *Неутолённая кручина* (устар., книж.) – сильная тоска, от которой нет утешения. *Воспетая Блоком. Воспеть* (книж., высокое) – описать в литературном произведении. *Блок Александр* – русский поэт 20 в., у которого есть цикл стихотворений, посвящённый Куликову Полю. *Идолы* – зд.: негодяи, недостойные люди. *Наскакивать* – зд.: агрессивно вести себя. *Подвох* – обман, злое намерение, скрытое за внешней доброжелательностью. *Высосать* (разг.) – выпить. *Водица* – вода.

Волочить – зд.: ругать, призывать к ответу за что-либо. *Казаковать* – зд.: творить безобразия, разбойничать. *Сергий Радонежский* – один из самых почитаемых русских святых. *Побратать* – объявить братьями. *Бойница* – узкое окно в крепости, призванное защитить воина от стрел или пуль врага. *Внутри же не только всё ободрано, но нет и пола, ходишь по песку*. При советской власти формально существовала свобода совести, однако фактически государство любыми путями утверждало атеизм. В результате многие церкви и мечети были закрыты или разрушены. *Хватились* = спохватились, заметили. *Повыламывать* = выломать. *Умостить* – вымостить, покрыть чем-либо землю или пол. *Иконостас* – в русской церкви стена из икон, отделяющая основное пространство храма от алтаря. *Иконостасовая доска* – икона, изображение святого. *Землянка* – зд.: вырытое во время войны в земле жилище – защита от артиллерийских снарядов. *Обкладывать* – облицовывать, использовать что-либо в качестве строительного материала. *Час от часу* – постепенно. *Смекнуть* (разг.) – понять. *Выпивка* (разг.) – алкогольный напиток. *Водопой* – зд.: питьё. *Ржаной* – сделанный из ржи. *Уламывать* – зд.: отламывать, отрывать. *Всухомятку* – не запивая водой. *Валить* – зд.: приезжать. *Заветная четвертинка* – зд.: спрятанная бутылка водки объёмом в ¼ литра. *Предостеречь* (книж.) – предупредить. *Попечение* (книж., офиц.) – забота. *Врывать* – вкапывать в землю. *Меня учредили* – т. е. создали должность, которую я занимаю. *Прахом пойти* (фразеологизм) – перестать существовать, полностью разрушиться. *Полдюжины. Дюжина* – 12, полдюжины – 6. *Вытянуться* – зд.: лечь. *Горяченького перехватить* (разг.) – съесть горячего супа. *Самобранка*. В русских сказках *скатерть-самобранка* – волшебная скатерть, на которой, если её расстелить, мгновенно появляется угощение. *Мешок-самобранка* (иронически) – мешок, из которого может появиться всё, что угодно. *Обречённость* – тоска. *Орда* – зд.: толпа, множество. *Прискачет валить* = приедет разрушать. *Шалопут* (разг.) – бездельник. *Наддать* – пойти с увеличивающейся скоростью. *Летописец* – тот, кто составляет летопись. *Летопись* – древнерусская рукописная книга, рассказывающая об исторических событиях. *Навьючивать* (перен.) – нагружать. *Обелил травы иней* = травы стали белыми от инея (после морозной ночи). *Проникающий холод* – холод, от которого нельзя спастись, согреться. *До Фурцевой дойду*. *Фурцева* – советский министр культуры, в обязанности которого, в том числе, входила охрана памятников культуры и истории. *Дойду до Фурцевой* – т. е. пожалуюсь самому министру.

Б. Найдите в словаре значение следующих слов и словосочетаний: *искажённое лицо, битва, жест, разбойник, кепка, долгополый, присказка, навывпуск, кирзовый сапог, голенище, захрипеть, раскашляться (закашляться), проникнуться, одёрнуть, чугун, зубило, потряхнуться,*

запустение, фляжка, заповедник, усечённый, таскать, тумба, отлить (из металла), сарай, сено, извив.

Задание 2. Прочитайте текст.

Захар-Калита

Друзья мои, вы просите рассказать что-нибудь из *лётного велосипédного*? Ну вот, если не скучно, послушайте о *Поле Куликовом*. Давно мы на него цéлились, но как-то всё дороги не ложились. Да ведь туда раскрашенные *щиты* не *зáзывают*, указателей нет, и на карте найдёшь не на каждой. Весь этот плавный и широкий подъём на *Мамáеву высоту* не мог резко изменить очертáний и за шесть веков.

Нам без помéх думалось о тех *русоволóсых рáтниках*, о девяти из каждого пришédшего десятка, которые вот тут легли и полностью растворились в земле, чтоб только Русь встряхну́лась от *басурмáнов*. А и через Дон перешли наши тогда не с добрá – кто ж *по охóте* станет на битву так, чтоб обрéзать себя сзади реко́ю? Горькá правда истóрии, но легче высказать её, чем *тайть*: не только *черкéсов* и *генуэзцев* привёл *Мамáй*, не только *литóвцы* с ним были в союзе, но и князь рязáнский Олег.

Посевы оборвали́сь, на высоте начался пóдлинный заповéдник, кусок глухого *пустопорóжного* поля, только что не в *ковылэ*, а в жёстких травах – и лучше нельзя почтить этого дрéвнего места: вдыхáй дикий воздух, оглядывайся и видь! – как по восхо́ду солнца *шибáются Телебéй с Пересвéтом*, как *тяги* стоят друг против друга, как монго́льская ко́нница пускаёт стрелы, трясёт ко́пьями и с искажёнными лицами броса́ется топтáть русскую пехóту, рвать русское *ядрó*.

Тут-то, в самой середине злой битвы, если кто-то сумел угадать место – поставлен и памятник, и церковь с неземными купо́лами, которые удивили нас издала. Разга́дка же вышла проста: со всех пяти купо́лов соседние жители на свои на́добности ободра́ли жесть, и купо́ла стали прозрачными, хотя их нежная форма осталась ненару́шенной.

Долго идя по пустому полю, мы и сюда пришли как на пустое место, не надеясь кого-нибудь тут встретить. Шли и размышляли: почему так? Не отсюда ли *повелáсь* судьба России? Не здесь ли совершён поворот её истории? А вот никому не нужно. Смотритель был *ра́жий* мужик, похожий отча́сти на разбо́йника. Руки и ноги у него здоровы удали́сь, а ещё рубáха была *приво́льно* расстёгнута, кепка поса́жена на́бок, из-под неё выбивáлась *рыжизна́*, брёлс он не на этой неделе, на той, через всю щёку была свежая цара́пина.

«А! – неодобрительно поздоровáлся он, так над нами и нависáя. – Приехали? На чём? Предупрежда́ю! Посáдку не мять! Велосипéдами». И тем сразу было нам устанóвлено, что здесь, на Поле Куликовом, *не гóбы распустя ходят*. На смотрителе был расстёгнутый пиджа́к – долгопóлый и широкий, кой-где и *подшито́панный*, а цвета того самого из присказки *сéro-*

буро-малинового. Под пиджаком же носил он навывпуск длинную синюю в белую полоску рубашу, какую только в деревне могли ему сшить; зато перепоясана была рубаша армейским ремнём с пятиконечной звездой. Брюки офицерские заправлены были в кирзовые сапоги, уже протёртые на сгибах голенищ.

«Ну? – спросил он учителя, седенького старичка с двумя парнишками, – пишете?» «Сейчас, Захар Дмитрич, – *повеличал* его тот, – кончаем». «А вы? – строго опять. – Тоже будете писать?» «Мы – попозже». И чтоб как-нибудь от его напора отбиться, *перехватили*: «А когда этот памятник поставлен – вы-то знаете?» «А как же! – обиженно отликнулся он и даже захрипел, закашлялся от обиды. – А зачем же я здесь?!» И опустив осторожно мешок (в нём звякнули как бы не бутылки), смотритель вытащил нам из кармана *грамотку*, развернул её – тетрадный лист, где печатными буквами, не помещаясь по строкам, было написано посвящение Дмитрию Донскому, и год поставлен – 1848.

Тут учитель кончил писать и отдал *Книгу Отзывов*. Думали мы – Захар Дмитриевич под мышку её возьмёт или в мешок сунет, нет, не угадали. Он отвёл ползу своего *запашного* пиджака и там у него оказался пришит из мешочной же ткани карман не карман, сумка не сумка, а верней всего *калита*, размером как раз с Книгу Отзывов. И ещё при той же калите была петелька для тупого чернильного карандаша, который он тоже давал посетителям. Убедясь, что мы прониклись, Захар-Калита взял свой мешок (да, таки стеклыце в нём позванивало) и, *загребая* долгими ногами, сутулясь, пошёл в сторонку, под кусты. То разбойное оживление, с которым он нас одёрнул поначалу, в нём прошло. Он сел, ссутулился ещё горше, закурил – и курил с такой *неутолённой кручиной*, с такой потёрянностью, как будто все лёгшие на этом поле легли только вчера и были ему братья и сыновья, и он не знал теперь, как жить дальше.

Мы решили пробыть тут день до конца и ночь: посмотреть, какова она, Куликовская ночь, *воспётая Блоком*. Мы, не торопясь, то шли к памятнику, то осматривали опустошённую церковь, то бродили по полю, стараясь вообразить, кто где стоял 8-го сентября, то влезали на чугунные плоскости памятника. О, здесь были до нас, здесь были! Не упрекнуть, что памятник забыт. Не ленились *идолы* зубилом выбивать по чугуну и гвоздями процарапывать, а кто послабей – углем писать на церковных стенах: «Здесь был супруг Полунёевой Марии и Лазарев Николай с 8-V-50 по 24-V». «Здесь были делегаты районного совещания...» «Здесь были работники связи 23-VI-52». «Здесь были...» «Здесь были...». А нам больше всего не нравилось, как Захар *наскáкивал* на новых посетителей, особенно от кого по виду ожидал *подвоха*. За день приезжали тут ещё некоторые, – он на шум их мотора подымался, отряхивался и сразу наседа́л на них грóзно, будто за памятник отвечал не он, а они. Ещё прежде их и больше их Захар возмущался запустением, так сильно возмущался, что нам уж и

верить было нельзя, где это в груди у него сидит. Фляжки мы свои *высосали* и подступили к Захару – где б *водицы* достать. «Водицы?» В том и суть, объяснил, что колодца нет, на рытьё денег не дают, и на всём знаменитом поле воду можно пить только из луж. А колодец – в деревне. Уж как к своим, он к нам навстречу с земли больше не подымался. Что-то мы ругнулись насчёт надписей прорубленных и процарапанных, Захар возразил: «А посмотрите, годá какие? Найдите хоть один год свежий – тогда меня *волоките*. Это всё до меня *казаковали*, а при мне – попробуй! Ну, может, в церкви гад какой затаился, написál, так ноги у меня – одни!».

Церковь во имя *Сéргия Рáдонежского*, объединившего русские силы на битву, а вскоре потом *побратáвшего* Дмитрия Донского с Олегом Рязанским, построена как добрая крепость, это – тесно сдвинутые огромные камни: усечённая пирамида самой церкви, переходное здание с вышкой и две круглых крепостных башни. Немногие окна – как *бойницы*. *Внутри же не только всё ободрано, но нет и пола, ходишь по песку*. Спросили мы у Захара. «Ха! *Хватились!*» – позлорадствовал он на нас. «Это ещё в войну наши куликовские все плиты с полов *повыламывали*, себе двory *умостили*, чтоб ходить не грязно. Да у меня записано, у кого сколько плит... Ну да фронт проходил, тут люди не терялись. Ещё до наших все *иконостáсовые доски* пустили *землянки обкладывать* да в печки».

Час от часу к нам привыкая, Захар уже не стеснялся лазить при нас в свой мешок, то кладя что-нибудь, то доставая, и так мы мало-помалу *смекнули*, что ж он в том мешке носит. Никакую не *выпивку*. Он носил там подобранные в кустах после завтрака посетителей бутылки (двенадцать копеек) и стеклянные банки (пятак). Ещё носил там бутылку с водой, потому что другого *водопоя* и ему целый день не было. Две буханки *ржаных* носил, от них временами *уламывал* и *всухомятку* жевал: «Весь день народ *ва́лит*, сходить пообедать в деревню некогда».

А, может быть, в иные дни бывала там у него и *завётная четвертинка* или коробка рыбных консервов, из-за чего и таскал он мешок, опасаясь оставить. В тот день, когда уже солнце садилось, приехал к нему на мотоцикле приятель, они в кустах часа полтора просидели, приятель уехал, а Захар пришёл уже без мешка, говорил громче, руками размахивал пошире и, заметив, что я что-то записываю, *предостерёг*: «А *попечёние* есть! Есть! В пятьдесят седьмом постановили тут конструкцию делать. Вон, тумбы, видите, *врыты* округ памятника? Это с того года. В Туле их отливали. Ещё должны были с тумбы на тумбу цепи навешивать, но не привезли цепей. И вот *меня учредили*, содёржат! Да без меня б тут всё *прахом!*».

«А вы нас ночевать в дом приезжих пустите?» (Домик этот мы видели, конечно. Одноэтажный, из нескольких комнат, он был близок к окончанию, но на замке. Стёкла были уже и вставлены, и кой-где опять

разбиты, полы уже настланы, штукатурка не кончена). «Никак! И ключи не у меня. И не просите. Вот, в моём сарайчике можете».

Покатый низенький его сарайчик был на *подюжины* овец. Нагибаясь, мы туда заглянули. Постлано там было вытертым сеном, на полу котелок с чем-то недоёденным, ещё несколько пустых бутылок и совсем засохший кусок хлеба. Велосипеды наши, однако, там помещались, могли и мы лечь, и хозяину дать *вытянуться*. Но он-то на ночь оставаться был не дурак: «Ужинать пойду. К себе в Куликовку. *Горяченького перехватить*. А вы на крючок запирайтесь». «Так вы стучите, когда придёте!» – посмеялись мы. «Ладно».

Захар-Калита отвернул другую полку своего необыкновенного пиджака, не ту, где Книга Отзывов, и на ней оказалось тоже две пришитых петли. Из мешка-самобранки он достал топор с укороченным топорщиком и туго вставил его в петли. «Вот, – сказал он мрачно. – Вот и всё, что есть. Больше не велят». Он высказал это с такой *обречённостью*, как будто ожидалось, что *орда басурман* с ночи на ночь *прискачет валить* памятник, и встретить её доставалось ему одному, вот с этим одним топориком. Он так это высказал, что мы даже дрогнули в сумерках: может, он не *шалопут* вовсе? Может, вправду верит, что без его охраны погибло Поле? Но, ослабевший от шума и беготни, ссутуленный и чуть прихрамывая, Захар *наддал* в свою деревню, и мы ещё раз посмеялись над ним.

Как мы и хотели, мы остались на Куликовом Поле одни. Стала ночь с полною луной. Слабые дальние огоньки Куликовки и Ивановки стали не видны из-за её света. И хотелось Куликовскую битву понимать в её цельности и необратимости, забыть обо всех оговёрках *летописцев*: что всё это было не так сразу, не так просто, что история возвращалась петлями, возвращалась и душила. Но проходят столетия – извивы Истории сглаживаются для дальнего взгляда, и она выглядит как натянутая лента.

Ночь глубоко холодела, и мы закрылись в сарайчике, где и проспали крепко. Уезжать же решено у нас было пораньше. Чуть рассвелось, мы выкатили велосипеды и, стуча зубами, стали *навьючивать* их. *Обелыл травы иней*, а от Куликовки, из низины, по полю, уставленному копнами, поднимался туман. Но едва мы отделились от стен сарайчика, чтобы сесть и ехать, – от одной из копён громко, сердито залаяла и побежала на нас собака.

Она побежала, а за нею развалилась и копна: разбуженный лаем, оттуда встал кто-то длинный, окликнул собаку и стал отряхиваться от солёмы. И уже довольно было светло, чтоб мы узнали нашего Захара-Калиту, одетого ещё в какое-то пальтишко с короткими рукавами. Он ночевал в копне, в этом *пронимающем* холоде! Зачем? Какое беспокойство или какая привязанность могла его заставить? Сразу отпало всё то насмешливое и снисходительное, что мы думали о нём вчера. В это

морозное утро встающий из копны, он был уже не зритель, а как бы Дух этого Поля, стережущий, не покидающий его никогда.

Он шел к нам, ещё отряхиваясь и руки потирая, и из-под надвинутой кепочки показался нам старым добрым другом. «Да почему ж вы не постучали, Захар Дмитрич?» «Тревожить не хотел», – поводит он замёрзшими плечами и зевал. Весь он ещё был в соломенной пыли. Он расстегнулся отряхнуться – и на месте увидели мы и Книгу Отзывов, и единственно дозволенный топорик. Да старый пёс ещё рядом скалил зубы. Мы попрощались тепло и уже крутили педалями, а он стоял, подняв долгую руку, и кричал нам в успокоение: «Не-е-ет! Не-е-ет, я этого так не оставлю! Я до *Фурцевой дойду*! До *Фурцевой*!».

Задание 3. Ответьте на вопросы к тексту.

1. Зачем герои рассказа едут на Куликово поле? Что это за место?
2. Как описывается внешность Захара?
3. Как и почему именно так Захар разговаривает с посетителями?
4. Что возмущает посетителей Куликова Поля?
5. Кто виноват в разрушении памятников Куликова Поля?
6. Почему это разрушение стало возможно? Что об этом думает автор?
7. Как и почему меняется отношение героев к Захару?
8. В чем смысл последнего обещания Захара «дойти до Фурцевой»?
9. В чем смысл названия рассказа?

Виктор Астафьев

Задание 1.

А. Ознакомьтесь с комментарием.

Лесозаготовок = *леспромхоз* – лесное промышленное хозяйство, место лесозаготовок. *Передовой* – прогрессивный, дающий большие результаты. *Пятьдесят четвертый год* – первый год после смерти И. Сталина, начало переосмысления советского прошлого 1930–1940-х гг. *Чусовской* – от названия сибирского города Чусовая. *Мотаться* (разг.) – ездить. *Обильно уродиться* = сильно плодоносить. *Всевозможные* – разнообразные. *Технорук* – технический руководитель участка. *Завербовать* – привлечь на свою сторону (обычно о наборе в армию); зд.: привезти. *Нары* – широкий помост из досок для сна. *Барак* – временное здание из дерева (для рабочих, военных или больных). *Бабыё* (разг., пренебрежительно) – женщины. *Раскошегарили* – разожгли. *Сквозить* – дуть. *Так пекло* = было так жарко. *Разморить* – зноем и духотой довести до бессилия. *Гаже* – отвратительнее. *Глаза были отдалённые* – зд.: не смотрели ни на кого. *Казённый* – выдаваемый государством. *Бушлат* – теплая куртка. *«Бывший»* – т. е. бывший заключённый. *Укачать* – усыпить качая. *Очнуться* – прийти в себя, зд.: проснуться. *По-волжски окая*. Оканье – диалектная особенность произношения, состоящая в том, что неударный звук «о» не превращается

в «а», как в литературной норме. Оканье особенно распространено на Волге. *Лесосека* – место, где непосредственно рубят лес. *Чертыхаться* – букв.: говорить «чёрт!», зд.: ругаться. *Мазутная телогрейка* – т. е. куртка, насквозь пропитанная мазутом, зд.: такая, в которой нельзя согреться. *Околеть* (разг.) – умереть. *Мотай!* (разг.) – зд.: иди! *Отвести душу* (фразеологизм) – сделать что-то, чтобы успокоиться, обрести внутреннее равновесие. «*Понимаиш*» (диалектная форма) = понимаешь. *Усмешиливо* (диалект.) – насмешливо. *Вскинуться* – зд.: вздрогнуть, обернуться. *Загорать* (разг., ирон.) – вынужденно ничего не делать. *Угарная печь* – печь без трубы, дым от которой идёт прямо в помещение. *Выцарапать* – вырвать ногтями. *Пришить* (тюремный жаргон) – убить. *Разжий* (разг.) – очень сильный, крупный (о человеке). *Русый* = блондин. *В плечах сажень* (фразеологизм) – с очень широкими плечами. *Мелкотелая* – слабая. *Потешаться* – смеяться, издеваться. *Червь* (в тексте вместо м. р. используется ж. р.) – зд.: толпа, отбросы (иронически, пренебрежительно). *Ядрёная* – зд.: сытная. *В один прихват* – за один раз. *Кринка* – глиняный кувшин. *Каравай* – цельный хлеб. *Чугун (чугунок)* – чугунный горшок. *Улюлюкать* – зд.: шумно издеваться. *Заискивать* – стараться получить чье-либо расположение лестью и самоунижением. *Подвёртываться* = попадаться. *Переходчивый* (диалект.) – заразный. *Оттёр* – зд.: оттеснил. *Отроду чахоточный* – т. е. с детства больной туберкулёзом. *Мать* – зд.: давить. *Пасть духом* (фразеологизм) – утратить веру, надежду. *Круши кашкалду!* – бей их всех! *Подавно* – тем более. *Очередь прошла. Очередь* – зд.: ряд выстрелов из автомата. *Прошить* – прострелить насквозь. *Отмякнуть* – зд.: стать спокойным. «*Живы будем – не помрём*» – устойчивое выражение, формула оптимизма. *Пихнуть* – толкнуть. *Ни к селу ни к городу* (фразеологизм) – неуместно. *Продекламировать* – прочитывать наизусть. *Почивать* (устар., ирон.) – спать.

Б. Найдите в словаре значение следующих слов и словосочетаний:

сук (сучья), обрубок, обрубка, черпать, похлёбка, трос, сани, изба (избушка), фургон, костлявый, тусклый, тесьма (тесёмка), заплата, передразнивать, пинок, злорадство, подмигивать, помойка, ворочаться, дизентерия, картавый, тля, дуло, автомат, затвор, полено, подладиться (подстроиться), окурок, вколотить, заправить.

Задание 2. Прочитайте текст.

Без последнего

Зимой пятьдесят четвёртого года в качестве корреспондента газеты «Чусовской рабочий» я прибыл на лесозаготовку Мыс, чтобы описать передовой опыт обрубки сучьев. За время работы в газете я описал и обобщил уже не один передовой опыт, мог бы написать и об этом не выходя из редакции, но всё же на месте виднее. И поэтому я мотался по

леспромхозам, в ботинках, называемых «прощай, молодость», черпал ими снег, смотрел, как валят и пилят лес, грелся у костра, слушал жалобы, анекдоты военных лет, ел вместе с лесорубами тёплую похлёбку, заедая её мёрзлой рябиной, обильно уродившейся в тот год.

На этот раз передовой опыт заключался в том, что сучки не обруба́ли, не спи́ливали, не сострúгивали, их сдира́ли петлёй стального трóса. Перевида́вши всевозмо́жные топоры и пилы, я должен был увидеть петлю, изобретённую якобы *техноруко́м* лесозаготовщика. На лесозаготовках сучки́, как в каменном веке, обруба́лись тупыми топора́ми, только топоры уже были железные, плохо наса́женные на берёзовые обру́бки, отдалённо напомина́ющие топорщи́ца. На обру́бку сучьев сплошь ста́вились молодые бабы и девки, как правило, *завербо́ванные* из безл́сных краёв. Руби́ли они чаще не по сучку́, а по коленке и потому лежали на *на́рах* в рабочих *бара́ках*, будто раненные бойцы во время наступле́ния.

Вместе с мужиками, но большей частью *бабьём*, толсто и неловко для работы в лесу одеты́ми, я забра́лся в крытые тра́кторные сани, посреди́ которых в ящике, засыпанном землёй, стояла бочка с трубой. Дверь дошато́й избúшки на поло́зьях примотáли про́волокой, сани дёрнулись и мы поехали по дороге, пробито́й по ру́слу речки Та́лицы. Ехать нам предстояло далеко. Женщины *раско́чегари́ли* печку. И хотя в щели избúшки *сквози́ло*, задува́ло снег, от красно налитых боков бочки так *пекло́*, что *размори́ло* недоспа́вших людей, и они задрема́ли сплошь, навали́вшись по-братски друг на дружку.

Рассказа́вши два-три полуприли́чных анекдота, которые в изложе́нии этого парня получались ещё *гаже*, молодой начальник к радости моей тоже унялся, запахну́л полушúбок, и, по-хозяйски навали́вшись на дева́ху-соседку, уснул.

Я подбро́сил в печку дров, и фу́ргон осветился. В дальнем конце фургона сидел человек неопреде́ленных лет. Лицо его было обна́женно-костляво, глаза ту́склы, *отдалённы*, сухо сжат был морщи́нистый рот. Одет он был не очень тепло, зато разнообразно – в *казённую* шапку, съезжа́вшую на затылок от но́ски и времени, с завязанными тесёмками – чтоб шапка не спада́ла, вместо шарфа оберну́то казённое полотенце, серое от пота и грязи, руки глубоко засу́нуты в рукава *бушлáта* – прожжённого, дра́ного, пёстро покрытого заплáтами. Технору́к небре́жно сказал, что тип этот выслан в отдалённый район Урала на лесозаготовки после освобождения. Я стал закуривать и, перехватив взгляд из угла, протяну́л туда сигарету. «*Быви́ший*» прикурил от уголька́, поблагодарил и снова прикры́л глаза, погрузи́лся в свои думы. Он не хотел никаких разговоров.

В какое-то время меня *укача́ло*, я задрема́л, но вдруг *очну́лся* от тишины. В избúшке все зашевели́лись, зазева́ли, потягиваясь, завязывали платки, надевали рукави́цы. *По-во́лжски о́кая* – вербо́ванные женщины в Мысу были сплошь почти из Улья́новской области, – они удивлялись:

«Как скоро приехали-то!» Технорук отвернул рукав полушубка, взглянул на часы и, отмотав проволоку от двери, выскочил наружу: «Чё у тебя опять?» – «Мотор заглох. Чё делать-то?» Народ подумал, что технорук погонит всех до *лесосёки* пешком. Но начальник неожиданно прервался, вытащил пачку папирос, порвал её не с той стороны, *чертыхнулся*: «Я вас научу родину любить. Сейчас же! Бегом на базу!» «Да я ж в *мазутной телогрейке*, мороз под сорок. *Околёю!*» «Мороз! Околёю! – передразнил технорук. – И околевай! Башкой думать надо! План срываешь! – технорук значительно глянул на меня и, рывком скинув с себя полушубок, выбросил его за дверь: *Мотай, мотай!*».

Тракторист за стеною фургона проклинал работу, бабу какую-то и нас. Ударив пинком в дверь фургона так, что проволока на двери зазвенела, он, *отводя душу* напоследок, высказался до конца: «Пла-ан! Всё план! Все люди – бра-атя, *пони-маи?*!» И ушёл в снег, в тайгу. «Братья!» – раздалось из угла глухо и *усмешливо*. И все *вскинулись*, поражённые тем, что человек в полотенце подал звук. «А хотите, я вам пригчу расскажу о братьях?» – неожиданно предложил «бывший», и в голосе его просквозило злорадство. «Рассказывай. Все равно делать нечего. *Загорать* долго». Человек в углу помолчал, погрёл руки, ненадолго вынув их из рукавов, и распевно, в расчёте на долгое время – так прежде сказывали сказки – начал говорить.

«Было это в некотором царстве, в некотором государстве, в каком значения не имеет, факт, что было... Придумали братья для братьев барак без последнего. Изобретение это просто, как и всякое гениальное изобретение: кто последним из братьев выходил на работы – того убивали. А в остальных барак как барак, с трехъярусными нарами, с подстилкой из опилок, со светом в плóшках, с *угарными* печами. В бараке том люди толпились уже с полночи у выхода, чтобы не оказаться последними. Братья топтали друг друга, рвали один на другом одежды, *выцарапывали* глаза, ломали руки, ноги, рыдали от счастья, когда выбивались на улицу не последними...

На улице по обе стороны двери стояли и покуривали светловолосые братья северного вида, с голубыми или серыми глазами, поджидали последнего, чтобы застрелить его или, как они, посмеиваясь, говорили – «*прииить*»... Представьте себе: однажды в тот барак попали два брата. Нет, не те, которых побратал барак, а истинные, единокровные братья-близнецы. Они были еще молодые, *ражие*, как говорят в народе. Оба брата были одинакового роста, одного лица, *русы*, светлоглазы, *в плечах* – *сажён*. Единокровные братья чувствовали себя в бараке «без последнего» как дома: спали спокойно, при выходе на работу не нервничали. Они, как котят, разбрасывали окружавшую их кричащую *мелкотелую* интеллигенцию и вырывались наружу. Выйдут братья из барака, отряхнутся да еще и стрелкам подмигнут, вместе с ними смеяться возьмутся, *потешаясь* над человеческой червью.

Однако еду в бараке давали такую, чтобы работать человек ещё мог, но чтоб к женщине его не тянуло. Братья же привыкли к еде деревенской, *ядрёной*, обильной, съедали, как они сами хвалились, *в один прихват* по две *кринки* молока, по *каравью* хлеба, по *чугуну* картошки, по миске каши. Братья начали слабеть от барачной еды. Вот на работу они уже вторыми входят, третьими, не *улюлюкают* больше, не потешаются над безумной толпой, тревожно, по-пёсьи *заискивающе* поглядывают на стрелков. Те свóйски подмигивают им, ничего, *дэска*ть, ребята, мы – люди терпеливые. Стали ворочаться ночами на *нарах* брата, будить друг друга раньше времени и рыться начали по чужим койкам, затем по помойкам. А это уж близко к краю. Один из братьев заболел прилипчивой лагерной болезнью – дизентерией. Штука эта гибельна в бараке без последнего.

Но братья еще шли и шли на яростный утренний штурм смело, дружно. Здоровый брат прокладывал дорогу больному, рвал руками и зубами все, что *подвёртывалось* на пути, да заразился дизентерией и он – болезнь-то *переходчива*.

Однажды утром заметили братья, какой-то профессоршко, весь заросший жидкой бородёнкой, обошёл их; другой раз академик узким плечишком *оттёр*; картáвый очкастый поэт, *отроду чахоточный*, пробился вперед; генералы-молодцы просто *мнут* барачную тлю и братьев вместе с нею. Все ближе, ближе братья к последнему делают. *Пали* они *духом*, кричать друг на дружку взялись: «Васька, не отставай!». «Ванька, *круши кашкалду!*». Да уж не крушится. Рот раскрыт, глаза наружу, всё напряжено, но сил нет. Долго ли, коротко ли шло это соревнование, долго ли, коротко ли боролись братья, но пришёл их черёд – Васька остался последним. «Ванька – братан, не бросай!» – закричал он. И Ванька вернулся к Ваське, подхватил его, выволок из рокового барака, а ему в грудь дуло автомата.

Закричали Ванька с Васькой: «Граждане начальники! Граждане! Мы всегда... мы всегда были первые! Мы ещё можем...». Но нет пощады последнему, от века нет, в любой жизни нет, в лагерной и *подávно*. Оттянул стрелок затвор, деловито, неторопливо поднял автомат. И тогда Ванька схватил вóвсе ослабевшего Ваську и загородился им. Но автомат был новой системы, хорошо смазанный, – *очередь* *проишла* обоим братьев...

Все сидели не шевелясь, в глубоком молчании. Технорук передёрнулся, начал подбрасывать поленья в печь и сказал: «Ты вот что, дядя! Ты эти разговорчики брось. – Голос технорука напрягся. – Тут рабочий народ, корреспондент газеты...». Лицо его было сурово, негодующе, но вдруг *отмякло* – тракторист возвращался и разговаривал с тем человеком, который проспал на работу. «*Живы будем – не помрём!*» – потёр руки технорук и зло посмотрел на человека в углу. Все в фургоне закашлили, затопали, облегчённо зашевелились, радуясь тому, что скоро

поедут на работу. Всем сделалось снова не то, чтобы тепло и легко, но привычно. Как бы винась за что-то или подлаживаясь под момент, одна из бабёнок *тихнула* локтем под бок рассказчика, попросив у него закурить. Затянувшись от окурка, бабёнка беспечно захохотала и *продекламировала* ни к селу, ни к городу: «Мёртвый в гробе сладко спи, жизнью пользуйся живущий...». И снова захохотала, как всем казалось, слишком громко, неуместно и совершенно беспричинно.

Но каково же было моё и всех спутников удивление, когда, наконец, прибыв на лесосёку, выгружаясь из фургона, мы обнаружили в углу дружно, в обнимку *почивающих* рассказчика и хохотливую бабёнку. Проявляя трогательную заботу, бабёнка вколотила шапку на голову соседа, увязала, заправила его и, сама снаряжаясь, спрашивала, что её спутник видел во сне.

Скоро в том месте, куда ушли мужик с бабёнкой, размеренно, без суеты и сбёев заработала пила. И среди всего заснеженного леса вдруг вздрогнула, скрипнула, качнулась островёрхая ель. Ломая себя, круша встречные преграды, гоня перед собою вихрь, темнея на ходу, ель чёрным облаком упала в снег. Долго-долго не было видно поверженного дерева из-за взрывом поднявшегося мёрзлого снега.

Задание 3. Ответьте на вопросы к тексту.

1. С какой целью рассказчик отправляется в путешествие?
2. Где и когда происходит действие? Почему это важно для рассказа?
3. Почему среди рабочих леспрохоза в основном женщины?
4. Как описывается «бывший»?
5. Что такое «барак без последнего»?
6. Кто были заключённые той тюрьмы, что описывается в рассказе?
7. Как меняется самоощущение братьев-близнецов в тюрьме?
8. Чем важна для рассказчика сцена расстрела братьев?
9. В чем смысл «сказки» про «барак без последнего»?

Василий Аксёнов

Задание 1.

А. Ознакомьтесь с комментарием к выделенным в тексте словам. *Крепко* – зд.: много. «*В лоскуты*» – до потери самоконтроля. *Сеструха* (пренебрежительно) – сестра. *Раскалывать* (сленг) – обманывать (в том числе на деньги). *Носиться с кем/чем* (разг.) – говорить и думать только о ком-то/чём-то. *Трудовые* – зд.: честно заработанные. *Равняться на кого-то* – брать за образец кого-либо. *Вопить* – громко кричать, орать. *Мировые* (сленг) – необыкновенные, классные. *Огуречный рассол* – русское народное средство для преодоления похмелья (см. словарь). *Аморалка* (разг., устар.) – аморальное, т. е. неприличное поведение – слово из практики товарищеских судов в советские годы. *Дешёвка* (разг.,

пренебрежительно) – тот, кто недорого стоит, ничего из себя не представляет. *Шкура лагерная, зэка* – ругательства, подчёркивающие, что тот, к кому они обращены, был в тюрьме и, следовательно, человек недостойный. «*Чайка, черноморская чайка, моя мечта*» – слова из популярной в прошлом песни. *Тулуп* – тёплая зимняя одежда до колен из овечьей шкуры. *Валенки* – русская зимняя обувь, изготовленная из специально обработанной плотной овечьей шерсти. *Было дело* – в контексте: были интимные отношения. *Пишет вам вами известный* – неправильная грамматическая конструкция, показывающая необразованность героя. *И прочие печки-лавочки* (разг., устар.) – и т. д. *Ботики* – маленькие зимние ботинки. *Любовь крутить с кем-либо* (разг.) – встречаться с кем-либо. *Чё* – разговорная форма *что*. *Лепетать* – говорить неуверенно, сбиваясь. *Отвали* (сленг, грубое) – отстань, оставь в покое. *Купить кого-либо на что-либо* (сленг) – обмануть кого-либо с помощью чего-либо. *Какую* (сленг) – конец. *Обомлеть* – сильно удивиться, потерять дар речи. *Шуточки такие, что оторви да брось* – неприличные шутки. *Байка* – интересный, занимательный рассказ. *Катить* (разг.) – ехать. *Потеха* – веселье. *Казённый* – зд.: оплаченный государством. *Пацанчик* (разг.) – мальчишка. *Весь колхоз вдруг изъявил желание переехать* (ирония автора) – речь идет о насильственном переселении казаков в наиболее удалённые от центра страны области в 1930-е гг. *Пасть смертью храбрых* (фразеологизм) – погибнуть во время боя. *Семилетка* – в советские годы – неполная средняя школа. *ФЗО* – фабрично-заводское училище – учебное заведение, где можно было получить рабочую специальность. «*Давать стране угля – мелкого, но много*» – цитата из советского лозунга. *Действительная* – имеется в виду служба в армии (*действительная военная служба*). *Спереть* (прост.) – украсть, своровать. *Освободить по зачётам* – выпустить на свободу до окончания тюремного срока. *Снять судимость* – признать невиновным. *Кореш(ок)* (тюремный сленг) – приятель, знакомый. *Засветить фонарь* (сленг) – ударить в глаз. *Передовик* (из советского словаря) – человек, который работает лучше всех. *Подеваться* – исчезнуть. *Трепаться* (прост., фамильярное) – говорить (о пустяках, ерунде). *Шустренько* (разг.) – очень быстро. *Слоняться* – ходить взад-вперёд без дела, без цели. *Кулёк* – свёрнутый особым образом лист бумаги (с семечками, орехами, конфетами и т. д.). *Аккредитивы* (офиц.) – бумажные деньги. *Красные бумажки* – купюры по 10 рублей. *Плёвое дело* (прост., грубое) – дело, которое легко осуществить.

Б. Найдите в словаре значение следующих слов и словосочетаний: *дражайшая, захлёбываясь, потемнело в глазах, расписывать, таскать, окаменеть, породниться, турникет, посадка, комбинат, пребывание, находка, сокровища, завизжать, скула, чебурек, брошка, (борт)проводница,*

крейсер, пилотка, шаль, податься куда-либо, икоса, серийное (серия) производство, комфорт, рейс, за шиворот, обессилеть, сообразить.

Задание 2. Прочитайте текст.

На полпути к Луне

Вчера было *крепко* выпито. Не то, чтобы уж прямо «в *доскуты*», но крепко. Вчера, позавчера и третьего дня. Всё – из-за этого гада Банина и его дражайшей *сеструхи*. Ну и *раскололи* они тебя на твои *трудовые* рубли!

Банина Кирпиченко встретил третьего дня на аэродроме в Южном. Он даже не знал, что у них отпускá совпадают. Вообще ему мало дела было до Банина. В *леспромхозе* всё время *носились* с ним, всё время кричали: «Банин-Банин! *Равняйтесь* на Банина!» – но Валерий Кирпиченко не обращал на него особого внимания. Понятно, фамилию эту знал и личность была знакомая – электрик Банин, но в общем и целом человек это был незамётный, несмотря на весь шум, который вокруг него поднимали по праздникам.

На аэродроме в Южном Банин бросился к Кирпиченко, как к лучшему другу. Прямо захлёбываясь от радости, он *вопёр*, что страшно рад, что в Хабаровске у него *сеструха*, а у неё подружки – *мировые* девочки. Он стал расписывать всё это дело подробно, и у Кирпиченко потемнело в глазах. После отъезда невест из рыбного комбината за всю зиму Валерий видел только двух женщин, точнее, двух пожилых крокодилов – табельщицу и повариху.

Пришла Лариска с подругой, которую звали Тóмой. Лариска стала наводить на столе порядок, бегала на кухню и назад, таскала какие-то огурчики и грибы, а Тома, как села в угол, так и окаменела, положила руки на колени. Как с ней получится, Кирпиченко не знал и старался не глядеть на неё, а как только взглядывал, у него темнело в глазах. Вечер прошёл весело.

Так было три дня и три ночи, а сегодня утром, когда девицы ушли, Банин вдруг сказал: «Породнились мы, значит, с тобой, Валерий?». Кирпиченко поперхнулся *огуречным рассолом*. «Чего?» «Чего-чего! Вдруг заорал Банин. – С сеструхой моей спишь или нет? Давай говори, когда свадьбу играть будем, а то начальству сообщу. *Аморалка*, понял?» Кирпиченко через весь стол ударил его по скуле. Банин отлетел в угол, тут же вскочил и схватился за стул. «Ты, сволочь! – с рычанием наступал на него Кирпиченко. – Да если на каждой *дешёвке* жениться...» «*Шкура лагерная!* – завизжал Банин. – *Зекá!*» – и бросил в него стул. И тут Кирпиченко ему показл.

И вот теперь он с лёгкой душой сильными большими шагами шёл на посадку. Дальше поехали, дальше, дальше! Он приедет в Москву, купит в универмаге три костюма и чехословацкие ботинки, потом дальше-дальше,

к Чёрному морю. «*Чайка, черноморская чайка, моя мечта*» – будет есть чебуреки и гулять в одном пиджаке.

Он видел себя в этот момент как бы со стороны – большой и сильный в пальто и *тулупе*, в шапке, в *ваденках*, ишь ты вышагивает. Одна баба, с которой у него позапóшлым летом *было дело*, говорила, что у него лицо индэйского вождя. Баба эта была начальником геологической пáртии, так вот. Хорошая такая Нина Петровна, вроде бы доцент. Письма писала и он ей отвечал: «Здравствуйте, уважаемая Нина Петровна! *Пишет вам вами известный* Валерий Кирпиченко...» – и прочие *пёчки-лапочки*.

Большая толпа пассажиров уже собралась у турникетов. Неподалёку попрыгивала в своих *бóтиках* Лариска. Лицо у неё было белое с синевой, ярко-красные губы, и ужасно глупо выглядела брòшка с бегущим олёном на воротникé. «Зачем пришла?» – спросил Кирпиченко. «Проводить» – еле выговорила Лариска. «Ты, знаешь, кончай, – ладонью обрубил он. – Раскалывали меня три дня с твоим братцем, ладно, а *любовь* тут нечего *крутить*...» Лариска заплакала, и Валерий испугался: «Ну, чё ты, чё ты...». «Да, раскалывали, – *лепетала* Лариска, – так уж и раскалывали... Ну, ладно, знаю, что ты обо мне думаешь... я такая и есть... что мне, тебя любить нельзя, что ли?» «Кончай» «А я вот буду, буду! – почти закричала Лариска. – ты, Валя, – она приблизилась к нему, – ты ни на кого не похож...» «Да *отвали* ты... Такой же я, как все...»

В это время толпа потянулась на лётное поле. И Кирпиченко пошёл, не оглядываясь, думая о том, что ему стало жалко Лариску, что она стала ему не чужой, такой уж у него дурацкий характер, а потом забываешь и всё нормально, нормально и точка.

Он шагал в толпе пассажиров, глядя на ожидавший его огромный сверкающий на солнце самолёт, и быстро-быстро всё забывал, всю гáдость своего трёхдневного пребывания здесь и лúnные пальчики на своей шее. *Его на это не купишь*. Так было всегда. Его не купишь и не сломаешь. Попадались и не дешёвки. Были у него и прекрасные женщины. Доцент, к примеру, – душа-человек. Все они влюблялись в него, и Валерий понимал, что это происходит не из-за его жестокости, а совсем из-за другого, может быть, из-за его молчания, может быть, из-за того, что каждой хочется быть для него находкой, потому что они чувствуют, что он, как слепой ходит, вытянув руки. Но он всегда так себе говорил – не купите на эти штúчки, не сломаёте, было дело и *каюк*. И всё нормально. Нормально.

Самолёт был устрашающе огромен. Он был огромен и тяжёл, как крейсер. Кирпиченко не летал еще на таких самолётах, и сейчас у него просто захватило дух от восхищения. Что он любил – это технику. Он поднялся по высоченному трапу. Девушка-бортпроводница в синем костюмчике и пилóтке посмотрела на его билет и сказала, где его место.

К окну села какая-то бабка, перепоясанная шалью, а рядом с Кирпиченко занял место румяный морячок. «Разрешите взять ваше

пальто?» – спросила бортпроводница. Он посмотрел на неё и *обомлёл*. Она улыбалась. Над ним склонилось её улыбающееся лицо и волосы, тёмные, нет, не чёрные, тёмные, похожие на мех, похожие неизвестно на что – на все сокровища мира. Пальцы её прикоснулись к овчине его тулупа, таких не бывает пальцев. Нет, всё это бывает в журнальчиках, а значит, и не только в них, но не бывает так, чтоб было и всё это, и такая улыбка, и голос самой первой женщины на земле – такого не бывает.

Внизу, очень далеко, проплывала каменная безжизненная страна. Кирпиченко даже вздрогнул, представив себе, как в этом ледяном пространстве над жестокой и пустынной землёй плывёт металлическая сигара, полная человеческого тепла, вежливости, папиросного дыма, глухого говора и смеха, *шуточек таких, что оторви да брось*, минеральной воды, и он сидит здесь и курит, а где-то в хвосте, а может быть, в середине разгуживает женщина, каких на самом деле не бывает, до каких тебе далеко, как до Луны.

Он стал думать о своей жизни и вспоминать. Он никогда раньше не вспоминал. Разве, если к слову придётся, расскажет какую-нибудь *байку*. А сейчас вдруг подумал: «В четвёртый раз через всю страну *качү* и впервые за свой счёт. *Помеха!*».

До этого всё были *казённые* перевозки. В 39-м, когда Валерий был ещё очень маленьким *пацанчиком*, весь их *колхоз вдруг изъявил желание переселиться из Ставрополя в дальневосточное Приморье*. Мать умерла в войну, отец в 45-м на Курилах *пал смертью храбрых*. В детдоме Валерий кончил *семилётку*, потом *ФЗО*, работал в шахте, *«давал стране угля – мелко, но много»*. В 50-м году пошёл на *действительную*, опять его повезли через всю страну, на этот раз в Прибалтику. В армии он освоил шофёрскую специальность и после демобилизации подался с дружкой в Новороссийск. Через год его забрали. Какая-то сволочь *спёрла* запчасть из гаража, но там долго не разбирались, посадили его как «лицо материально ответственное». Дали три года и повезли на Сахалин. В лагере он был полтора года, *освободили по зачётам*, а потом и *судимость сняли*. С этого времени он работал в леспромхозе. Работа ему нравилась, денег платили много. Жил он в общежитии. Друзей у него не было, а *«корешков»* полно. Его побавивались: он недолго думал перед тем, как *засветить фонарь*. На работе же он был *передовиком*, технику любил и вспоминал свои машины, как другие вспоминают друзей.

Он встал и пошёл её искать. Куда она *подевалась?* В самом деле, у пассажиров горло пересохло, а она стоит и *трёплется* по-английски с каким-то капиталистом. «Как вас звать?» – спросил он с тем чувством, которое бывало у него каждый раз после перевала – и страшно, и всё позади. «Татьяна Викторовна, – ответила она. – Таня». «А меня, значит, Кирпиченко Валерий», – сказал он и протянул руку. Она подала ему свои

пальцы и улыбнулась. «Вы не очень-то сдержанный товарищ». «Малость есть», – сокрушённо сказал он.

Потом Таня начала разносить обед. Она и Валерию подала поднос и *искоса* взглянула на него. «А где вы проживаете, Таня?» – спросил он. «В Москве», – ответила она и ушла. Кирпиченко ел, и ему всё казалось, что у него и бифштекс потолще, чем у других, и яблоко покрупнее, и хлеба ему она дала больше. Потом она принесла чай. «Значит, москвичка?» – опять спросил он. «Ага», – *шүстренько* так ответила она и ушла.

Но, ей-богу, не вечно же длятся такие полёты. И сверху, с таких высот, самолёт имеет свойство снижаться. И кончаются смены, и вам возвращают пальто, и тоненькие пальчики несут ваш тулуп, и глаза блуждают где-то не здесь, и всё медленно пропадает, и всё становится плоским, как журнальная страница. Всё ещё не понимая, что же это происходит с ним, Кирпиченко вместе с морячком вышел из самолёта, спустился по трапу и сел в автобус.

На следующий день они купили билеты: Кирпиченко на Адлер, морячок на Одессу. Позавтракали. Кирпиченко купил в киоске книгу Чехова и журнал «Новый мир». Весь день Кирпиченко *слонялся* по аэропорту, но Тани не увидел. Вечером он проводил морячка в Одессу, потом проводил его девушку в общежитие, вернулся в аэропорт, пошёл в кассу и взял билет на самолёт-гигант ТУ-114, вылетающий рейсом 910 Москва – Хабаровск.

В самолёте всё было по-прежнему: объявления на двух языках и прочий комфорт, но Тани не оказалось. Там был другой экипаж. Там были девушки, очень похожие на Таню, но все они не были первыми, Таня была первой, это после неё пошла вся эта порода, серийное производство, так сказать.

Утром Кирпиченко оказался в Хабаровске и через час снова вылетел в Москву, уже на другом самолёте. Но и там Тани не было. Всего он проделал семь рейсов туда и семь обратно. Он знал в лицо уже почти всех проводниц на этой линии и кое-кого из пилотов. Он боялся, как бы и они его не запомнили. Он боялся, чтобы его не приняли за шпиона. Он менял костюмы. Рейс делал в синем, другой в коричневом, третий в сером. Тани всё не было. Было яростное высотное солнце, восходы и закаты над снежной облачной пустыней. Была Луна, она казалась близкой. Она и в самом деле была недалёко.

Одно время он сбился во времени и пространстве, перестал переводить часы, Хабаровск казался ему пригородом Москвы, а Москва – новым районом Хабаровска.

Он очень много читал. Никогда в жизни он не читал столько. Никогда в жизни он столько не думал. Никогда в жизни он не плакал. Никогда в жизни он так первоклассно не отдыхал. В Москве начиналась весна. За

шиворот ему падали капли с пробуждающихся деревьев. Он купил серый шарф в крупную чёрную клетку.

Таню он увидел через два дня на аэродроме в Хабаровске, когда уже возвращался домой на Сахалин, когда уже кончились *аккредитивы*, и в кармане было только несколько *красных бумажек*. Она была в белой шубке, подпоясанной ремешком. Она смеялась и ела конфеты, доставая их из *кулька*, и угощала других девушек, которые тоже смеялись. Он обессилел сразу и присел на свой чемодан. Он смотрел на девушек и не понимал, отчего они все вместе стоят на месте, смеются и никуда не идут. Потом он сообразил, что пришла весна, что сейчас весенняя ночь, а луна над аэродромом похожа на апельсин, что сейчас не холодно и можно вот так стоять и просто смотреть на огни и смеяться...

«Ты чего, Кирпиченко? – тронул его за плечо Маневич, инженер с соседнего рудника, который тоже возвращался из отпуска. – Пошли! Посадка ведь уже объявлена». «Маневич, не знаешь ли ты, сколько до Луны километров?» – спросил Кирпиченко. «Тысяч триста, наверное» – ответил Маневич. «Недалеко, – подумал Кирпиченко. – *Плёвое дело*». Он смотрел на Таню и представлял себе, как будет вспоминать её по дороге на перевал, а на перевале вдруг забудет, там будет не до этого, а после, в конце спуска, вспомнит опять и будет помнить уже весь вечер и ночью, а утром проснётся с мыслью о ней. Потом он встал со своего чемодана.

Задание 3. Ответьте на вопросы.

1. Какими человеческими качествами характеризуется Кирпиченко?
2. Какие планы на отпуск строит герой?
3. Кто и что задерживает героя в его путешествии на юг?
4. Как складывались у Кирпиченко отношения с женщинами?
5. Почему герой был так поражен бортпроводницей?
6. Что заставляет героя вновь и вновь стремиться за Таней?
7. О чем размышляет герой во время своих перелетов?
8. В чем смысл вопроса о расстоянии до Луны?
9. В чем смысл названия рассказа?

Василий Шукшин

Задание 1.

А. Ознакомьтесь с комментарием.

Сураз (диалект.) – ребенок, рожденный вне брака, незаконнорожденный. *Вороньего крыла* (фольклорная формула красоты) – черный. *До фени* (сленг) – безразлично. *Машинничать* – работать водителем. *Шастать* (разг.) – ходить. *С лица воду не пить* (фразеол.) = красота в человеке – не главное. *Резонно* – разумно, логично. *Тёрка* (диалект., пренебрежит.) – «тёртая», т. е. много повидавшая, немолодая женщина. *Скособочиться* (разг.) – испортиться, поломаться. *Байрон* – англ. поэт-романтик, зд.:

воплощение романтического идеала мужской красоты. *Загнуть мат* (прост.) – заругаться матом. *Немилосердно* (книж.) – жестоко. *Двинуть* – зд.: поехать. *Лупить* (разг.) – бить. *Вконец* (прост.) – совсем. *Посадют* – просторечная форма глагола *посадят* (зд.: посадят в тюрьму). *Сельповский* – т. е. принадлежащий сельскому магазину. *Возчик* – возница, тот, кто правит лошадьми. *Накрыть* (перен.) – схватить, поймать. *Пыхтеть* (перен.) – сидеть в тюрьме. *Напропалую* (разг.) – забыв обо всем. *Маруха* (диалект.) – любовница. *Пластаться* (прост.) – выполнять тяжелую работу. *Ничего я мужик?* – т. е.: Хороший я мужик? *Горница* – самая большая и светлая комната в деревенском доме. *Самогон* – самостоятельно изготовленный алкогольный напиток с высокой крепостью (до 40 и более градусов). *Попроведать* (диалект.) – навестить, прийти в гости. *Чалдон* (диалект.) – рожденный в этих местах. *По кому учитель* (просторечная форма) = учитель по какому предмету? *Потом ша* (диалектная форма) – потому что. *Захорошело* – стало хорошо. *Достали слой вечной мерзлоты* (тюремная поговорка в Сибири) – согрелись вином. *В подоле принести* кого-нибудь (деревенское выражение) – родить вне брака. *Ухарь* (устар.) – смелый, дерзкий человек. *Забрюхатеть* (прост., груб.) – забеременеть. *Глаз не казать* (фразеол.) – не появляться. *Вышку навести* (тюремный жаргон) – расстрелять. *Толкнулось* – зд.: появилось. *Поскрести по сердцу* (фразеол.) – произвести впечатление, понравиться. *Жарки* – крупные алые цветы, похожие на маки. *Студёный* – холодный. *Плеснуться* – зд.: возникнуть. *Лихой* – дерзкий, решительный, наглый. *Загрювок* – шея сзади. *Уработать* (тюремный жаргон) – убить. *Припечек* – полка или скамья перед деревенской печью. *Жидкие волосы* – зд.: редкие волосы. *Вытимиши* – пьяный. *Ехай* (прост.) = езжай. *Гоните как чумные* = едете как сумасшедшие (слишком быстро). *Отпихивать* – отбрасывать ногой. *Ни замолить, ни залить вином* = не выпросить прощение и не забыть с помощью вина. *Вылазь* (прост.) – вылезай. *Фраер* (тюремный жаргон) – дурак, глупец. *Метелить* (прост.) – бить. *Слякоть* (перен.) – зд.: слабый человек. *Опостылеть* – надоест, стать безразличным. *Изловчиться* – суметь.

Б. Найдите в словаре значение следующих слов и словосочетаний: *поразительно, эвакуация, пристально, отлежаться, вилы, хулиган, махнуть рукой, телега, протрезветь, любезно, зуд, оживиться, выпороть, смутный, навестить, засматриваться, самогон, пашня, ни слуху ни духу, повлечь к себе, досада, бич, уставиться, заблудиться, шлюха, уткнуться, навязчивый, пенёк (пенёк), тропинка, бодриться, тварь, поёжиться.*

Задание 2. Прочитайте текст.

Сура́з

Спирьке Расторѓуеву – тридцать шестой, а на вид – двадцать пять, не больше. Он поразительно красив: в субботу ходит в баню, пропáрится, наденет свежую рубаху – молодой бог! Глаза ясные, умные... Женственные губы áло цветут на смýглом лице. Брови *воро́ньего крыла*. Чёрт его знает!.. Природа тоже иногда шутит. Ну зачем ему? Он и сам говорит: «Это мне – *до фэни*». Ему всё фэни. Тридцать шесть лет – ни семьи, ни хозяйства настоящего. Знает свое – *маши́нничать* да к одиноким бабам по ночам *ша́стать*. Ему это – тоже «до фени». Как назло кому: любит постарше и пострашнее. «*С лица воду не пить*», – *резóнно* отвечает Спирька. – Пусть и *тёрка*, а душевней всех вас».

Жизнь Спирьки *скособо́чилась* рано. Ещё он только был в пятом классе, а уж начались с ним всякие истории. Учительница немецкого языка, тихая обидчивая старушка из эвакуированных, пристально рассматривая Спирьку, говорила с удивлением: «*Байрон!*.. Это поразительно, как похож!» Спирьке это надоело. И однажды он при учительнице *загну́л* такой мат, какого постеснялся бы пьяный мужик. «Байрона» *немилосе́рдно* выпоролла мать. Он отлежа́лся и *двину́л* на фронт. В Новосибирске его поймали, вернули домой.

В школу он больше не пошел, как мать ни билась и чем только ни *лупи́ла*. Он пригрозил, что прыгнет с крыши на вилы. Мать отступила́сь. Спирька пошел работать в колхоз. Рос дерзким, не слушался старших, хулига́нил, дрался... Мать *вконе́ц* измучилась с ним и махнула рукой: «Давай, может, *поса́дют*». И правда, посадили. После войны. С дружкой перехватили на дороге *сельпо́вскую* теле́гу из соседнего села, отняли у вóзчика ящик водки... Сутки гуляли *напропа́лю* у Спирькиной «*мару́хи*»... И тут их *накрыла* милиция. Спирька успел схватить ружье, убежал в баню, и его почти двое суток не могли взять – отстреливался. Потом он протрезви́лся, смертельно захотел спать... Выкинул ружье и вышел.

Пять лет «*пыхте́л*». Пришёл – такой же разма́шисто-красивый, дерзкий и такой же неожиданно добрый. Добротой своей он поражал, как и красотой. Мог снять с себя последнюю рубаху и отдать – если кому нужна. Мог в свой выходной поехать в лес, до вечера *пласта́ться* там, а к ночи привезти машину дров каким-нибудь одиноким старикам. Привезёт, сгру́зит, зайдет в изб́у. И смотрит с любопытством: «Что, *ничего я мужик?*» Пришёл Спирька из тюрьмы... Дружков – никого, разъехались, «марухи» замуж повыходи́ли. Думали, уедет и он. Он не уехал. Немного погулял, отдал деньги матери, пошел шофе́рить.

В село Ясное приехали по весне два новых человека, учителя: Сергей Юрьевич и Ирина Ивановна Зелене́цкие – муж и жена. Сергей Юрьевич – учитель физкультуры, Ирина Ивановна – пения. Сергей Юрьевич – невысокий, мускули́стый, широце́нный в плечах. Ирина Ивановна –

маленькая, бле́дненькая, по-девичьи стройная. Ничего вроде бы особенного, а нево́льно засма́тривались на нее.

Первым, кто пришел навестить приезжих, был Спирька. Он и раньше всегда ходил к новым людям. Придет, посидит, выпьет с хозяевами, поговорит и уйдёт. Вот и теперь Спирька стукнул в дверь *го́рницы* и вошел: «Здравствуйте!» «Здравствуйте!» – сказали супруги. И невольно засмотрелись на Спирьку. Так было всегда. «Спиридо́н Расторѓуев». – «Сергей Юрьевич». – «Ирина Ивановна». «Садитесь, пожалуйста». Пожимая тёплую маленькую ладошку Ирины Ивановны, Спирька открыто, с любопытством оглядел всю её, Ирина Ивановна чуть помóрщи́лась от рукопожатия, улыбнулась, почему-то поспешно отняла руку, поспешно повернулась.

Сергей Юрьевич смотрел на него. «С приездом, – сказал Спирька». «Спасибо». «Пришёл *попрове́дать*, – пояснил гость. – А то пока наш народ раскачается, засохнуть можно». «Необщительный народ?» «Как везде: больше по своим углам». «Вы здешний?» «Здешний. *Чалдо́н*». «Серёжа, я сготовлю чего-нибудь?» «Давай!» – охотно откликнулся Сережа и опять весело посмотрел на Спирьку. «Вот со Спиридоном и отпразднуем наше новоселье». «Откуда будете?» «Не очень далеко... Как жизнь здесь?» – спросил Сергей Юрьевич. «Жизнь...» – Спирька помолчал, но не искал слова, а жалко вдруг стало, что не будет слышать, как он скажет про жизнь, эта маленькая женщина, хозяйка. «Учительствовать?» – «Да». – «Она *по кому* учитель?» – «По пению». – «Что, поёт хорошо?» – оживился Спирька. «Поёт...» – «Может, споёт нам?» – «Ну... попросите, может, споёт».

И Спирька вышел из горницы. Вернулись вместе – Ирина Ивановна и Спирька. Хозяйка несла на тарелочке сыр, колбасу, сало. «Милое дело – огурец да кусок сала! Верно?» – Спирька глянул на хозяина. Вместо водки на столе появился коньяк. «Я сразу себе стакан, *потом – ша*: привык так. Можно?» Спирьке любезно разрешили. «Вот... – поёжился, – *Доста́ли слой вечной мерзлоты*, как говорят». Супруги выпили по рюмочке. Спирька смотрел, как вздра́гивало нежное го́рлышко женщины. И – то ли коньяк так сразу, то ли кровь – до зу́да в руках захотелось потро́гать это горлышко, погладить. Взгляд Спирьки посветлел, поумнел... На душе *захоро́шело*.

«Что бы такое рассказать весёлое?» – думал Спирька. «*Самогон* теперь редко, – сказал он, – Это в войну...» – И вспомнились далекие трудные годы, голод, непосильная, неде́тская работа на пашне... И захотелось обо всём этом рассказать весело. Он вски́нул красивую голову, в упóр посмотрел на женщину, улыбнулся: «Рассказать, как я жил?» Ирина Ивановна поспешно отвела от него взгляд. «Расскажи, расскажи, Спиридон», – попросил Сергей Юрьевич. Спирька закурил. – «Я – сура́з», – начал он. – «Как это?» – не поняла Ирина Ивановна. – «Мать меня *в подóле*

принесла. Был в этих местах один *ухарь*. Кожи по краю ездил собирал, заготовитель. Ну, заодно и меня заготовил». «Вы знаете его?» – «Ни разу не видал. Как мать *забрюхатела*, он к ней больше *глаз не казál*. А потом его за что-то арестовали – и ни слуху ни духу. Наверно, *вышку навелí*. Ну, и стал я, значит, жить-поживать...» – И так же резко, как захотелось весело рассказать про свою жизнь, так сразу расхотелось, Мало веселого... Про лагерь, что ли? Спирька посмотрел на Ирину Ивановну, и в сердце опять *толкнулось* неодолимое желание: потрогать горлышко женщины, погладить.

Он поднялся. «Мне в рейс. Спасибо за угощение». – «Ночью в рейс?» – удивилась Ирина Ивановна. – «У нас бывает. До свиданья. Я к вам еще приду». Спирька, не оглянувшись, вышел из *гóрницы*, – «Странный парень», – сказала жена после некоторого молчания. – «Красивый, ты хотела сказать?» – «Красивый, да». – «А знаешь, он влюбился в тебя». – «Да?» – «И тебя, кажется, *поскреблó по сердцу*. Только не получится у тебя». Женщина вопросительно посмотрела на мужа. – «Испугáешься, – сказал тот. – Для этого нужно мужество и сила, Вот он – сумеет. Между прочим, он сидел в тюрьме». – «Почему ты решил?» «Да так, есть приметы...»

Через три дня, вечером, Спирька пошёл к своим новым знакомым. Ирина Ивановна была дома одна, удивилась и, как показалось Спирьке, обрадовалась. Спокойный, решительный, Спирька прошел в *гóрницу* и подал женщине кроваво-красный пылающий букетик *жарков*. – «Ах!.. – обрадовалась женщина, – Ах, какие они! Как они называются?» – «Жарки». – В груди у Спирьки весело зазвенело. Так бывало, когда предстояло драться или обнимать желанную женщину. Он улыбался, ему было легко. Женщина тоже засмеялась и смутилась, Спирька наслаждался: как в жаркий день пил из родника *студёную* воду, погрузив в нее всё лицо. Он повлэк к себе женщину... Он видел, как расширились её близкие удивлённые глаза. «Господи, мне больше пока ничего не надо – поцелую, и всё». И поцеловал. И тут вошел муж... Спирька не слышал, как он вошел. Увидел, как вскинулась голова женщины и испуг *плесну́лся* в её глазах... Спирька отпустил женщину. Не было ни стыдно, ни страшно. Жалко было. Такая досада взяла на этого опрятного, сильного, увёрненного человека... Хозяин пришёл. И всё у них есть, у дьяволов, везде они – желанные люди.

«*Лихой* парень! Ну как, «удалось что-нибудь?» – Сергей Юрьевич хотел улыбнуться, но улыбки не вышло, только нехорошо сузились глаза и толстые губы обиженно поджóали. Он посмотрел на жену, «Что молчите? Что побледнела?!» Крик – злой, резкий – как бичом ударил женщину: «Шлюха!.. Успела?» Муж шагнул к ней. Спирька загородил ему дорогу. Вблизи увидел, как горят тёмные глаза его обидой и гневом. «Спокойно», – сказал Спирька. В слéдующее мгновéние сильная короткая рука влекла Спирьку из *гóрницы*. Ну-ка, красавец, пойдём!..» Спирька ничего не мог

сделать с рукой: её как привари́ли к *загрívку*, и крепость руки была какая-то нечеловеческая.

Ужас, что творилось в душе Спирьки!.. Стыд, боль, злоба – всё там перемешáлось: душило. Вышли на крыльцо... Удар – и Спирька полетел вниз с высокого крыльца и растяну́лся на сырой соломенной подстилке, о которую вытирают ноги. «Убью», – мелькнуло в Спирькиной голове. Сергей Юрьевич спускался к нему. Слепая ярость бросала и бросала Спирьку вперед, но, кажется, он ни разу так и не достал учителя. От последнего удара он не встал. Учитель наклонился над ним. «Я тебя *урабóтаю*», – неразбóрчиво, слабо, серьёзно сказал Спирька. «Будем считать, что это урок вежливости. Лагерные штучки надо бросать». – Учитель говорил не зло, тоже серьезно. «Убью, знай». – «За что? – спокойно спросил учитель. – За что ты меня убьешь?.. Подлец» – и ушёл в избóу.

Вернувшись домой, Спирька, не зажигая огня, тихо снял со стены ружьё. Зашёл в избóу, стал на *прíпечек*, нашел в темноте голову матери, погладил по *жидким* тёплым волосам. Он, бывало, *выпивши* ласкал мать; она не встревожилась. Сказал, что ему в рейс. Мать во тьме перекрестила его. «Потише хоть *эхай*-то, а то *гóните как чумные*». «Всё будет хорошо». Спирька бодрился, а хотелось скорей уйти и как-нибудь забыть про мать: вот кого больно оставлять в этой жизни – мать. Страшно стало: что-нибудь сейчас помешает. И опять навязчивая мысль: «Ах, как он меня бил! Как бил!.. Умеет».

Спирька сам удивлялся своей лёгкости, лóвкости. Сам себя не слышал. Бесшóмно зашёл в дом через пристройку, нащóпал дверь *гóрницы*, вошёл. Потом нашёл на стене выключáтель, щёлкнул. На него, сидя в кровати, смотрел Сергей Юрьевич. Приподнялась и Ирина Ивановна. Спервá устáвилась на мужа, потом, от его взгляда, – на Спирьку с ружьём. Безмóлвно открыла рот. «Я предупреждáл: я тебя урабóтаю», – сказал Спирька. Супрúги молчали. «Вылázь из кровати», – приказал Спирька. – «Спиридóн... тебе же будет расстрél, неужели...» – «Я знаю. Вылázь». Сергей Юрьевич прыгнул с кровати. Спирька вскинул ружьё. Сергей Юрьевич мертвенно побледнел... И тут вдруг закричала Ирина Ивановна, да так ужасно, так громко, неистово, трéбовательно, так непохоже на себя, такую маленькую, úмненькую, с тёплыми мягкими губами. И свалилась с кровати, и поползла, с обнажившимся телом, протягивая руки... «Не надо! О-о-о-й!» И хотела схватить за ружьё, хотела поймать ноги Спирьки. Спирька растерялся, отпíнывал женщину... И как-то ясно вдруг понял: если сейчас выстрелит, то выстрел этот потом *ни замолíть, ни залить вином* нельзя будет. Если бы она хоть не так выла!.. «Мать вашу!..» – заругáлся Спирька.

Вышел из *гóрницы* и пошагáл прочь от тёмного дома. Он как-то сразу вдруг очень устал. Вспомнилась мать, и он побежал, чтоб убежать от

этой мысли – о матери. От всяких мыслей. Вспомнилась ещё Ирина Ивановна, и жалость и любовь к ней обожгли сердце. А потом вдруг вспыхнула мысль: «Ну, *фраер!*.. тряпка, что ж ты? Тебя *метелят*, как тварь подзаборную, смеясь и играя... Возили. Топтали. Что же ты? Смеяться ведь все будут. И учитель первый. Ведь после этого ни одна же баба к себе не допустит такую *слякоть*». Злости не было. А как же теперь? На этот вопрос Спирька не знал, как ответить. Собственная жизнь вдруг *опостылела*, показалась чудовищно лишённой смысла. В душе наступил покой, но какой-то мёртвый покой, такой покой, когда заблудившийся человек до конца понимает, что он заблудился, и садится на пенёк. Не кричит больше, не ищет тропинку, садится и сидит, и все.

...Спирьку нашли через три дня в лесу, на весёлой полянке, среди цветов; он лежал, уткнувшись лицом в землю, вцепившись руками в траву. Ружьё лежало рядом. Никак не могли понять, как же он стрелял? Попал в сердце, а лежал лицом вниз... Из-под себя как-то *изловчился*. Привезли, схоронили. Народно было много. Многие плакали...

Задание 3. Ответьте на вопросы к тексту.

1. Какими качествами характеризуется Спирька Расторгуев?
2. Почему «скособочилась», поломалась его жизнь?
3. Что больше всего удивляет в Спирьке его соседей по селу?
4. Что ему любопытно в людях?
5. Как воспринимают Спирьку муж и жена Зеленецкие?
6. Что и как хочет рассказать Спирька о своей жизни?
7. Почему Спирька вдруг решает ухаживать за Ириной Ивановной?
8. Почему Спирька решает убить Сергея Юрьевича?
9. Почему Спирька Расторгуев кончает жизнь самоубийством?

Сергей Довлатов

Задание 1.

А. Ознакомьтесь с комментарием к выделенным в тексте словам.

Фернан Леже – знаменитый французский художник-авангардист. *Верховный Совет* – один из высших органов власти в Советском Союзе. *Буржуазный националист* – (ироническое использование советского речевого клише) – еврей. *Питер Брук*, *Феллини*, *Де Сика* – знаменитые деятели западноевропейского театра и кино. *Дача*, *машина*, *квартира*. В 1940–1970-е гг. любой из перечисленных пунктов и все они вместе могли быть только у представителей политической и культурной элиты Советского Союза: *дача* была совершенно недоступна большинству советских граждан, далеко не все они проживали в отдельных *квартирах*, *автомобиль* был предметом роскоши, купить который за свои деньги было практически невозможно. *Правительственный дом*. В советские годы представители власти проживали отдельно от всех остальных граждан в

особо охраняемых домах с повышенной комфортностью. *Коммуналка* – в советские годы (в Москве и Ленинграде) немало людей проживало в многокомнатных (дореволюционных, рассчитанных на состоятельных людей) квартирах со множеством хозяев, имевших каждый отдельную комнату, но общие кухню, ванную и туалет. *Детский утренник* – детский музыкальный праздник. *Трофейный* – т. е. полученный после окончания войны у побеждённой стороны в качестве компенсации; зд.: итальянский. *Чуточку* – немного. *Домработница* – прислуга, в обязанности которой входит выполнение всей работы по дому. *Заграничные вещи* – в советские годы крайне редкие и ценные: в свободной продаже практически ничего из-за границы купить было нельзя. *Тяжкое бремя* – зд.: большая проблема. *Ириска* – очень дешёвая конфета. *Оболтус* (разг.) – избалованный ребёнок, с которым трудно справиться взрослому. *Изрядный* (устар.) – зд.: большой. *Цветной телевизор* – в 1970-е гг. предмет роскоши: у большинства не было не только цветного, но и чёрно-белого телевизора. *Инфантилен* – зд.: несамостоятелен, зависим от решений и мнений старших. *Криминального типа* = похожие на преступников. *Уголовники* – преступники, арестованные. *Социальные инстинкты* (ироническое использование советского речевого клише) – общественно обусловленные мотивы поведения. *Сознательная жизнь* – советский речевой штамп, зд.: вся жизнь. *Ущербный* – неполноценный. *Конфронтация* – открытый конфликт; зд.: конфликт с властью. *Приумножить семейное благосостояние* (советский штамп) – увеличить семейное богатство. *Хронический* (перен.) – вечный, постоянный. *Умудриться* (иронич.) – суметь. *Претенциозные юноши* – зд.: самолюбивые, с высоким мнением о самих себе и своих талантах. *Декламировать* – читать наизусть текст с подчёркиванием интонацией его наиболее выразительных мест. *Изредка навещать* – иногда приходить в гости. *Чёрствый* (перен., о человеке) – равнодушный, бессердечный. *Диссидентствующий*. *Диссидент* – человек, преследуемый властью за свои политические убеждения. *Физики и лирики*. В 1960-е гг. – условное наименование гуманитариев и естественников, связанное со спором о том, кто больше нужен обществу. *Мравинский* – знаменитый советский дирижёр, *Райкин* – выдающийся комедийный актёр, *Шостакович* – известный на весь мир композитор. *Сартр* – широко известный французский философ и общественный деятель. *Ив Монтан* – французский актёр и певец. *Выходка* – скандальный, провокационный поступок. *Неурядицы* – проблемы. *Старьё* – старая, вышедшая из моды вещь. *Комплекция* – фигура. *Сброд* – люди, лишённые определённого места в обществе, маргиналы. *Нормандец* – житель *Нормандии*. *Нормандия* – область на западе Франции. *Маяковский* – русский поэт-авангардист. *Шпана* – мелкие преступники. *Беспрецедентное* – единственное в своём роде, несравнимое. *Шарлатанство* – обман.

Б. Найдите в словаре значение следующих слов и словосочетаний:

корректор, эвакуация, вспыльчивый, увольнять, косметика, пластилин, нагрузка, сурово, недолюбливать, целеустремлённый, заносчивый, наивный, лентяй, хулиган, подонок, самоутверждение, компромисс, единоборство, митинг, эгоист, вручать, вельвет, застрелиться.

Задание 2. Прочитайте текст.

Куртка Фернана Лежé

Это рассказ о принце и нищем. В марте сорок первого года родился Андриюша Черкасов. В сентябре этого же года родился я. Николай Черкасов был замечательным артистом и депутатом *Верховного Совета*. Мой отец – рядовым театральным деятелем и сыном *буржуазного националиста*. Талантом Черкасова восхищались *Питер Брук, Феллини и Де Сика*. Талант моего отца вызывал сомнение даже у его родителей. Черкасова знала вся страна как артиста, депутата и борца за мир. Моего отца знали только соседи как человека пьющего и нервного. У Черкасова была *дача, машина, квартира и слава*. У моего отца была только *астма*.

Их жены дружили. Даже, кажется, вместе заканчивали театральный институт. Мать была рядовой актрисой, затем корректором, и наконец – пенсионёркой. Нина Черкасова тоже была рядовой актрисой. Мои родители принадлежали к бытовому окружению Черкасовых. всю жизнь мы чувствовали заботу и покровительство этой семьи. Черкасов давал рекомендации моему отцу. Его жена дарила маме платья и туфли.

Андриюша был моим первым другом. Познакомились мы в эвакуации. Точнее, не познакомились, а лежали рядом в детских колясках. Потом война закончилась. Наши семьи оказались в Ленинграде. Черкасовы жили в *правительственном доме* на Кронверкской улице. Мы – в *коммуналке* на улице Рубинштейна. Виделись мы с Андриюшей довольно часто. Вместе ходили на *детские утренники*. Праздновали все дни рождения. Я ездил с матерью на Кронверкскую трамваем. Андриюшу привозил шофёр на *трофейной* машине «Бугатти».

Мы с Андриюшей были одного роста. Примерно одного возраста. Оба росли здоровыми и энергичными. Андриюша, насколько я помню, был смелее, вспыльчивее, резче. Я был немного сильнее физически и, кажется, *чутьку* разумнее. Каждое лето мы жили на даче. У Черкасовых на Карельском перешейке была дача, окружённая соснами. Из окон был виден Финский залив. К Андриюше была приставлена *домработница*. Домработницы часто менялись. Как правило, их увольняли за воровство. Откровенно говоря, их можно было понять. У Нины Черкасовой повсюду лежали *заграничные вещи*. Все полки были заставлены духами и косметикой.

Утром я шел к Андриюше. Мы бегали по участку, ели смородину, играли в настольный теннис, ловили жуков. В тёплые дни ходили на пляж.

Если шёл дождь, лепили на веранде из пластилина. Иногда приезжали Андриюшины родители. Сами Черкасовы относились ко мне хорошо. А вот домработницы – хуже. Ведь я был дополнительной нагрузкой. Причём без дополнительной оплаты. Поэтому Андриюше разрешалось шалить, а мне – нет. Я ощущал неравенство. Хотя на Андриюшу чаще повышали голос. Его более сурово наказывали. А меня неизменно ставили ему в пример. И все-таки Андриюша был главнее. А я был, что называется, из простых. И хотя домработница была ещё проще, она меня явно недолюбливала. Теоретически всё должно быть иначе. В действительности же слуги любят ненавистных хозяев гораздо больше, чем кажется. И уж конечно, больше, чем себя.

Нина Черкасова была интеллигентной, умной, хорошо воспитанной женщиной. Разумеется, она не дала бы унижить шестилетнего сына её подруги. Если Андриюша брал яблоко, мне полагалось такое же. Если Андриюша шёл в кино, билеты покупали нам обоим. Как я сейчас понимаю, Нина Черкасова обладала всеми достоинствами и недостатками богачей. Она была мужественной, решительной, целеустремлённой. При этом холодной, заносчивой и аристократически наивной. Например, она считала деньги *тяжким бременем*. Она говорила маме: «Какая ты счастливая, Нора! Твоему Серёже *цриску* протянешь, он доволен. А мой *оболтус* любит только шоколад...». Конечно, я тоже любил шоколад...

С Андреем Черкасовым мы поддерживали тесные отношения лет до шестнадцати. Он заканчивал английскую школу. Я – обыкновенную. Он любил математику. Я предпочитал менее точные науки. Оба мы, впрочем, были *изрядными* лентяями.

Виделись мы довольно часто. Английская школа была в пяти минутах ходьбы от нашего дома. Бывало, Андриюша заходил к нам после занятий. И я, случалось, заезжал к нему посмотреть *цветной телевизор*. Андрей был *инфантилен*, рассеян, полон дружелюбия. Я уже тогда был злым и внимательным к человеческим слабостям. В школьные годы у каждого из нас появились друзья. Причем, у каждого – свои. Среди моих преобладали юноши *криминального типа*. Андрей тянулся к мальчикам из хороших семей.

Значит, что-то есть в марксистско-ленинском учении. Наверное, живут в человеке *социальные инстинкты*. всю *сознательную жизнь* меня инстинктивно тянуло к *ущербным* людям – беднякам, хулиганам, начинающим поэтам. Тысячу раз я заводил приличную компанию, и всё неудачно. Только в обществе дикарей, шизофреников и подонков я чувствовал себя уверенно.

Мои друзья внушали Андриюше Черкасову тревогу и беспокойство. Каждому из них постоянно что-то угрожало. Все они признавали единственную форму самоутверждения – *конфронтацию*. Мне же его приятели внушали ощущение неуверенности и тоски. Все они были

честными, разумными и доброжелательными. Все предпочитали компромисс – единобровству.

Оба мы женились сравнительно рано. Я, естественно, на бедной девушке. Андрей – на Даше, внучке химика Ипатьева, *приумножившей семейное благосостояние*. Помню, я читал насчёт взаимной тяги противоположностей. По-моему, есть в этой теории что-то сомнительное. Или, как минимум, спорное. Например, Даша с Андреем были похожи. Оба рослые, красивые, доброжелательные и практичные. Оба больше всего ценили спокойствие и порядок. Оба жили со вкусом и без проблем. Да и мы с Леной были похожи. Оба – *хронические* неудачники. Оба – в разладе с действительностью. Даже на Западе *умудряемся* жить вопреки существующим правилам...

Шли годы. Виделись мы с Андреем довольно редко. С каждым годом все реже. Мы не поссорились. Не испытали взаимного разочарования. Мы просто разошлись. К этому времени я уже что-то писал. Андрей заканчивал свою кандидатскую диссертацию. Его окружали весёлые, умные, добродушные физики. Меня – сумасшедшие, грязные, *претенциозные* лирики. Его знакомые изредка пили коньяк с шампанским. Мои – систематически употребляли розовый портвейн. Его приятели *декламировали* в компании – Гумилёва и Бродского. Мои читали исключительно собственные произведения.

Вскоре умер Николай Константинович Черкасов. Около Пушкинского театра состоялся митинг. Народу было так много, что приостановилось уличное движение. Его любили профессоры и крестьяне, генералы и уголовники. Год спустя Нину Черкасову уволители из театра. Затем отобрали призы ее мужа. Начальство заставило вдову передать их театральному музею. Вдова, конечно, не бедствовала. У неё была дача, машина, квартира. Кроме того, у нее были сбережения. Даша с Андреем работали.

Мама *изредка навещала* вдову. Часами говорила с ней по телефону. Та жаловалась на сына. Говорила, что он невнимательный и эгоистичный. Мать вздыхала: – Твой хоть не пьёт... Короче, наши матери превратились в одинаково грустных и трогательных старух. А мы – в одинаково *чёрствых* и невнимательных сыновей. Хотя Андрюша был преуспевающим *физиком*, я же – *диссидентствующим лириком*. Наши матери стали похожи. Однако не совсем. Моя почти не выходила из дома. Нина Черкасова бывала на всех премьерах. Кроме того, она собиралась в Париж.

Она бывала за границей и раньше. И вот теперь ей захотелось навестить старых друзей. Происходило что-то странное. Пока был жив Черкасов, в доме ежедневно сидели гости. Это были знаменитые, талантливые люди – *Мравинский, Райкин, Шостакович*. Все они казались друзьями семьи. После смерти Черкасова выяснилось, что это были его личные друзья. В общем, они куда-то пропали. Оставались заграничные

знакомые – *Сартр, Ив Монтан*, вдова художника Лежé. И Нина Черкасова решила снова побывать во Франции. Прошло недели три. Раздался телефонный звонок. Черкасова вернулась из Парижа. Сказала, что заедет.

Мама спросила: «Как одеты в Париже?». Нина Черкасова ответила: «Так, как считают нужным». Затем она рассказывала про Сартра и его немыслимые *выходки*. Про репетиции в театре «Солé». Про семейные *неурядицы* Ива Монтана. Она вручила нам подарки. Маме – изящную театральную сумочку. Лене – косметический набор. Мне досталась старая вельветовая куртка. Откровенно говоря, я был немного растерян. Куртка явно требовала чистки и ремонта. Локти блестели. Пуговиц не хватало. У ворот и на рукаве я заметил следы масляной краски. Но вслух произнёс: «Спасибо. Зря беспокоились». Не мог же я крикнуть: «Где вам удалось приобрести такое старье?!».

Черкасова как-то странно поглядела на меня и говорит: «Это куртка Фернана Лежé. Он был приблизительно твоей *комплексии*». Я с удивлением переспросил: «Леже? Тот самый?» – «Когда-то мы были с ним очень дружны. Потом я дружила с его вдовой. Рассказала ей о твоём существовании. Надя полезла в шкаф. Достала эту куртку и протянула мне. Она говорит, что Фернан завещал ей быть другом всякого сброды...».

Я надел куртку. Она была мне впору. Ее можно было носить поверх тёплого свитера. Это было что-то вроде короткого осеннего пальто. Я долго разглядывал пятна масляной краски. Теперь я жалел, что их мало.

Я стал вспоминать, что мне известно про Фернана Леже? Это был высокий, сильный человек, *нормандец*, из крестьян. В пятнадцатом году отправился на фронт. Там ему случилось резать хлеб штыком, испачканным в крови. Фронтные рисунки Леже проникнуты ужасом. В дальнейшем он, подобно *Маяковскому*, боролся с искусством. Но Маяковский застрелился, а Леже выстоял и победил. Он мечтал рисовать на стенах зданий и вагонов. Через полвека его мечту осуществила нью-йоркская *шпанá*. Ему казалось, что линия важнее цвета. Что искусство живет контрастами. Умер Леже коммунистом, раз и навсегда поверив величайшему, *беспрецедентному шарлатанству*. Не исключено, что, как многие художники, он был глуп. Я носил куртку лет восемь. Надевал ее в особо торжественных случаях. О том, что куртка принадлежала Фернану Леже, знали немногие. Эту жалкую тайну я хранил вплоть до своего отъезда в Америку.

Задание 3. Ответьте на вопросы к тексту.

1. Почему начала рассказа выстраивается на противопоставлении?
2. Что объединяет две разные семьи?
3. Что вспоминает о своем детстве рассказчик?
4. Как характеризуется Нина Черкасова?
5. В чем отличие характеров Андрея и Сергея (рассказчика)?

6. Какие жизненные дороги выбирают герои? Почему?
7. С какой целью Черкасова поехала в Париж?
8. Почему для рассказчика дорог подарок Черкасовой?
9. Почему рассказчик становится эмигрантом?

Татьяна Толстая

Задание 1.

А. Ознакомьтесь с комментарием к выделенным в тексте словам.

Муза – в греческой мифологии богиня, дарующая вдохновение; зд.: возлюбленная, подруга поэта. *Стоптать* (порвать) *семь пар железных сапог*, *изломать* (сломать) *семь железных посохов* (опора при ходьбе), *изгрызть* (съесть) *семь железных хлебов* – формула русских сказок, передающая необыкновенную сложность и длительность путешествия. *Отшельница* – буквально: живущая одиноко монахиня; зд.: одинокая женщина. *Дерматолог* – специалист по болезням кожи. *Романтика* – необычная, богатая приключениями жизнь. *Шваркать шваброй* (разг.) – мыть пол. *От щедрот своих* (устойчивое сочетание) – от своих богатств. *Отслонить* (прост.) – выделить, отдать (обычно о деньгах). *Подстергать* – ожидать, сторожить. *Топчан* – вид дивана. *Полутруп* (неологизм) – умирающий человек. *Похитить* (книж.) – украсть. *Чело* (книж., устар.) – лицо. *Незримые* (книж.) – невидимые. *Заламывать руки* – поднимать соединённые руки над головой в знак скорби, отчаяния. *Омерзительно красивая* – сочетание противоречивых характеристик (оксюморон) – безобразная + красивая. *Жилплощадь* – квартира, жильё. *Бормотать* – говорить тихо и неразборчиво. *Тернистый путь* – буквально: путь Иисуса Христа к месту казни; зд.: трудный, мучительный путь. *До гробовой доски* (устойчивое сочетание) – до смерти. *Отсрочить* – отдалить. *Покладистый* – легко делающий уступки, готовый к компромиссу. *Окрепнуть* – зд.: выздороветь. *Орава* (разг.) – толпа, множество. *Демобилизованная балерина*. *Демобилизованный* – уволенный из армии после окончания срока службы. *Демобилизованная балерина* (иронич.) – балерина, больше не работающая в театре. *Недоучка* – человек с незаконченным высшим образованием. *Дворницкая* – комната дворника. *Бренчать* – играть на чем-либо плохо или не умея. *Зловредный* (разг., иронич.) – дурной (о человеке). *Только через мой труп* (фразеологизм) – никогда, ни при каких условиях. *Каждый божий день* – всегда. *Убогий* (книж., иронич.) – изначально: наказанный, обделённый Богом; зд.: ничтожный, достойный презрения. *Мазня* (разг., иронич.) – живопись. *Очи* (книж., устар.) – глаза. *Зыбкий* – временный, непостоянный, неустойчивый. *Ютиться* – проживать где-либо (временно, в отсутствие удобств). *Сносить* – разрушать (о постройках). *Неисчислимы* (иронич.) – многочисленные, бесконечные. *Полчища* (иронич.) – толпы. *Нечисть* – силы зла (зд.: в переносном значении, иронически). *Врачевать* (книж.) – лечить. *Вкуснятина* (разг.) – вкусная еда, лакомство. *Каракульки*,

загогулины – бессмысленные линии на бумаге, не складывающиеся ни в слова, ни в рисунок. *Порой* – иногда. *Отлынивать* – ничего не делать, бездельничать. *Худо-бедно* – кое-как. *Горздрав* (аббревиатура) – городской отдел здравоохранения. *Свой прах переживёт и тленья убежит* (цитата из стихотворения А.С. Пушкина) = переживёт свою смерть и станет бессмертным. *Наперекосяк* (разг.) – не так, как нужно, наоборот. *Пылать страстью* (фразеологизм, иронич.) – любить.

Б. Найдите в словаре значение следующих слов и словосочетаний: *рыдание, погоня, роковое, кройка и шитьё, беспамятство, скорбный, изголове, унылый, тля, костлявый, язва, нафталин, штрафовать, клочок, склевать, допрос, допрашивать, бродить, намекнуть, ощупывать, проинуровать, пронумеровать, папироска, инвентарь, процедура.*

Задание 2. Прочитайте текст.

Поэт и мұза

Нина была прекрасная, обычная женщина, врач и, безусловно, заслужила, как и все, свое право на личное счастье. Это она очень хорошо сознавала. К тридцати пяти годам после длительного периода невесёлых проб и ошибок – не стоит о них говорить – она ясно поняла, что ей нужно: нужно ей безумную, сумасшедшую любовь, с рыданиями, с полуночными ожиданиями телефонного звонка, с ночными погонями на такси, с роковыми препятствиями, изменами и прощениями, нужна такая звериная, знаете ли, страсть, чтобы пустяком показался классический женский подвиг – *стоптать семь пар железных сапог, изломать семь железных посохов, изгрызть семь железных хлебов.*

Побывала она замужем – всё равно что отсидела долгий, скучный срок в кресле междугородного поезда и вышла усталая, разбитая. Потом пожила какое-то время *отшельницей*, увлекалась мытьём и натиркой полов в своей чистенькой квартирке, поинтересовалась кройкой и шитьём и опять заскучала. Вяло тлел роман с *дерматологом* Аркадием Борисычем, имевшим две семьи, не считая Нины. После работы она заходила за ним в его кабинет – никакой *романтики*: уборщица вытряхивает урны, *шваркает* мокрой *шваброй* по линолеуму, а Аркадий Борисыч долго моет руки, трёт щёткой, подозрительно осматривает свои розовые ногти и с отвращением смотрит на себя в зеркало.

А времячко-то бежало, и при мысли о том, что *от своих щедрот* судьба *отслонила* ей всего лишь Аркадия Борисыча, Нине иногда становилось не по себе. Можно было найти другого, но кто попало ей тоже был не нужен. Душа-то у неё с годами становилась всё богаче, и саму себя она понимала и чувствовала всё тоньше, всё больше жалела себя осенними вечерами: некому себя преподнести, такую стройную, такую чернобровую.

А потом была эпидемия японского гриппа, когда всех врачей сняли с участков на вызовы. Тут-то, как выяснилось, и *подстерегала* ее судьба, лежавшая в лице Гриши на *топчане*, под вязаными одеялами, бородой кверху и в полном беспамятстве. *Полутруп* немедленно *похитил* Нинино заждавшееся сердце; скорбные тени на его фарфоровом *челе*, тьма в запавших глазницах, нежная борода сложились в волшебную декорацию, *незримые* скрипки сыграли свадебный вальс.

Над умирающим *заламывала руки омерзительно красивая* женщина с трагически распущенными волосами (потом, правда, оказалось, что ничего особенного, всего лишь Агния, школьная подруга Гришуня, неудавшаяся актриса, немножко поёт под гитару, ерунда, не с той стороны грозила опасность) – да, да, она вызвала врача, спасите! «Он поэт, поэт, он работает дворником за *жилплощадь*», – *бормотала* Агния.

Нина выгнала Агнию, сняла сумку, повесила на гвоздь, бережно взяла из Гришуниных рук свое сердце и прибила его гвоздями к изголовью постели. Гришуня бредил в рифму. Аркадий Борисыч растаял, как сахар в горячем чае. *Тернистый путь* был открыт.

Вновь обретя слух и зрение, Гришуня узнал, что счастливая Нина останется с ним *до гробовой доски*; вначале он немного удивился и хотел *отсрочить* наступление нечаянного счастья или, если уж это нельзя, – приблизить встречу с доской, но после по мягкости характера стал *покладистее*, только просил не разлучать его с друзьями. Временно, пока он не *окреп*, Нина пошла ему навстречу. Конечно же, это была ошибка: он быстро встал на ноги и снова втянулся в бессмысленное общение со всей этой бесконечной *оравой*: тут были и какие-то молодые люди неопределённых занятий, и старик с гитарой, и поэты-девятиклассники, и актёры, оказывавшиеся шофёрами, и шофёры, оказывавшиеся актёрами, и одна *демобилизованная балерина*, и дамы в бриллиантах, и непризнанные ювелиры, и философы-*недоучки*.

Все они – сегодня одни, завтра другие – набивались вечерами в *дворничку*; трёхэтажный флигелёк трещал, приходили жильцы верхних этажей, *бренчали* на гитаре, пели, читали свои и чужие стихи, но в основном слушали хозяйские. Гришуня у них считался гением, уже много лет вот-вот должен был выйти его сборник, но мешал какой-то *зловредный* Макушкин, о которого всё зависело, Макушкин, поклявшийся, что, мол, *только через его труп*.

Естественно, всё это обилие народу было Нине неприятно. Но самое неприятное было то, что *каждый божий день*, когда ни забежишь – днём ли, вечером ли после дежурства, – в дворничкой сидело, пило чай и откровенно любовалось Гришиной мягкой бородой *убогое* существо не толще вилки – чёрная юбка до пят, пластмассовый гребень в тусклых волосах, – некто Лизавета. Конечно, никакого романа у Гришуня с этой унылой тлёт быть не могло.

У посетителей флигелька Лизавета считалась художницей, и действительно, её выставляли на второсортных выставках, а Гришуня вдохновлялся её тёмной *мазнёй* и сочинил соответствующий цикл стихов. Лизаветины костлявые руки расцветали язвами от ядовитых красок, и такими же язвами покрывалось Нинино ревнивое сердце, прибитое гроздьями над Гришиным изголовьем. Не хотела она пользоваться Гришей на общих основаниях; ей и только ей должны были принадлежать голубые *очи* и прозрачная борода красавца дворника. О, если бы она могла стать не случайной, *зыбкой* подругой, а полновластной хозяйкой, положить Гришуню в сундук, пересыпать нафталином, укрыть холщовой тряпочкой, захлопнуть крышку и усёсться сверху, подёргивая замки: прочны ли?

Уничтожить Лизавету было так же трудно, как перерезать яблочного червя-пробоволочника. Когда её пришли штрафовать за нарушение паспортного режима, она уже *ютилась* в другом месте, и Нина посылала отряды туда. Лизавета пряталась в подвалах – Нина затопляла подвалы; она ночевала в сараях – Нина *сносила* сараи; наконец Лизавета сошла на нет и стала тенью.

Нина разрешила Гришуне в последний раз проститься с друзьями, и на прощальный ужин повалили *неисчислимые полчища*. А к утру вся *нечисть* пропала, и Нина, уложив Гришуню в такси, отвезла его в свой хрустальный дворец.

Хорошо было *врачевать* доверчивых больных, хорошо нести домой полные сумки *вкуснятины*, хорошо было вечером проверять, как заботливая сестра, что написал Гришуня за день. Только вот слабенький он был, много плакал, и не хотел кушать, и не хотел писать ровненько на чистой бумаге, а всё подбирал по старой привычке клочки да сигаретные коробки и чертил *каракульки*, а то просто рисовал *загогулины*. И сочинял про жёлтую-жёлтую дорогу, всё про жёлтую дорогу, а над дорогой – белая звезда. Нина качала головой: «Подумай, солнышко, такие стихи нельзя нести товарищу Макушкину, а ты должен думать о сборнике, мы живём в реальном мире». А он, неблагодарный, плакал без слёз и придумывал оскорбительные для Нины стихи о том, что, мол, трава выросла в его сердце, и засох его сад, и выжжены леса, и какой-то ворон склёвывает последнюю звезду с неба, и будто он заперт в какой-то неопределённой избе, и только стук красных каблук вдалеке... «Чьи же это каблуки? – потрясала Нина листком. Вот просто интересно знать: чьи это каблуки?!» «Ничего ты не понимаешь», – вырывал бумагу Гришуня.

Раз в неделю она проверяла его письменный стол и выбрасывала те стихи, которые женатому человеку сочинять неприлично. И *порой* ночью она поднимала его на допрос: пишет он для товарища Макушкина или *отлынивает*? И он закрывался руками, не в силах вынести света её беспощадной правды.

Так *худо-бёдно* прожили они два года, но он, хотя и окружённый заботой, не ценил её любви и совсем перестал стараться. Бродил по квартире и бормотал, бормотал, что вот он умрёт, и завалят его землёй, засыплют кусками кладбищенской глины.

Потом добрые люди рассказали ей, что Гришуня хочет вернуться во флигель, что он ходил к новой, взятой на его место двóрничихе и торговался с ней, за сколько она уступит ему его прежнюю жизнь, и баба вступила в переговоры. У Нины были связи в *горздрáве*, и она намекнула там, что есть прекрасное трёхэтажное здание в центре, можно занять под учреждение. Они благодарили её там, это им подходило, и очень скоро двóрничкой не стало, и один из медицинских институтов разместил во флигельке свои кафедры.

Гриша замолчал и недели две ходил тихий и послушный. А потом даже повеселел, пел в ванной, смеялся, только совсем ничего не ел и всё время подходил к зеркалу и себя ошупывал. «Что это ты такой весёлый?» – допрашивала Нина. Он открыл и показал паспорт, где на одной из страниц было напечатано фиолетовым штампом: «*Захоронёнию не подлежит*». «Что это такое?» – испугалась Нина. И Гришуня опять смеялся и сказал, что продал свой скелёт за 60 рублей Академии наук, что он *свой прах переживёт и тлénья убежит*, что он не будет, как опасался, лежать в сырой земле, а будет стоять среди людей в тёплом, чистом зале, прошнурованный и пронумерованный, и студенты – весёлый народ – будут хлопать его по плечу, щёлкать по лбу и угощать папироской; вот как хорошо он всё придумал.

И вот с этого момента, говорила потом Нина, любовь их пошла как-то *наперекосяк*, потому что не могла же она *пылать* полноценной *страстью* к общественному достоянию и целовать академический инвентарь. Ничто в нём больше ей не принадлежало. И подумайте, какие чувства должна была пережить она, прекрасная, обычная женщина, врач, безусловно, заслужившая, как и все, свой лóмтик в жизни, – женщина, боровшаяся, как нас всех учили, за личное счастье, обрётшая, можно сказать, своё право в борьбе?

Но несмотря на всё горе, что он ей причинил, всё-таки, говорила она, у неё осталось очень светлое чувство. А если любовь получилась не такая, как мечталось, то уж не Нина в том виновата. Виновата жизнь. И после смерти она очень переживала, и подруги ей сочувствовали, и на работе пошли навстречу и дали десять дней за свой счёт. И когда все процеду́ры были позади, Нина ездила по гостям и рассказывала, что Гриша теперь стоит во флигельке как учебное посóбие, и ему прибили инвентарный номер, и она уже ходила смотреть. Ночью он в шкафу, а так всё время с людьми. И ещё Нина говорила, что сначала очень расстраивалась из-за всего, но потом ничего, успокоилась.

Задание 3. Ответьте на вопросы к тексту.

1. Какими качествами характеризуется героиня рассказа Нина?
2. В рассказе повествование от автора часто содержит пересказ мыслей, чувств, оценок героев. В чем смысл использования этого приёма (несобственно-прямой речи)?
3. Какова главная мечта героини? Что она хочет от жизни?
4. Почему избранником Нины становится Гришуня? Что это за человек?
5. Что можно сказать о друзьях Гришуни?
6. Как выстраиваются отношения Нины с Агнией и Лизаветой?
7. Что Нина хочет от Гришуни?
8. Что делает Гришуню несчастным?
9. В чем смысл необычного поступка главного героя?
10. Как Нина оценивает совместную жизнь с Гришуней?
11. В чем смысл названия рассказа?

Андрей Вóлос

Задание 1.

А. Ознакомьтесь с комментарием.

Свернуться калачиком – лечь, поджав ноги к животу. *Дрёма* – состояние между сном и бодрствованием. *Тщётный* (книж.) – напрасный. *Опомниться* – зд.: передумать. *Несуразный* – нелепый, бессмысленный. *С поддёмцем* – бодро, с воодушевлением. *Искажённый* – изменённый. *Пододнок* – 1. букв.: осадок, то, что соединяет на дно. 2. перен.: негодяй. *Завозиться* – зашевелиться. *Нервотрёпка* (разг.) – сложная, связанная со множеством неприятных моментов, нервная работа. *Колумбит* – минерал, содержащий радиоактивные металлы. *Фонить* (разг.) – быть радиоактивным. *Замазать глаза* (разг.) – заставить забыть о чем-то, дать взятку. *Командировочные расходы* – расходы на поездку (оплата дороги, проживания, питания). *Окупиться сторицей* (фразеологизм) – оправдать себя, принести большую прибыль. *Мямлить* – невнятно или путано говорить. *Обзавестись семьёй* = жениться / выйти замуж. *Обишить лоджию вагонкой*. *Лоджия* – большой закрытый балкон. *Вагонка* – длинные доски для отделочных работ. *Обишивать* – зд.: отделять стены. *Колгота* (разг.) – суeta. *Перспективы брезжили лучезарные* = перспективы были самые прекрасные. *Со вкусом* – зд.: с наслаждением, не спеша. *Добить* (разг.) – доделать что-нибудь; зд.: дочитать. *Твердить* (разг.) – повторять. *С толком* = разумно. *Фантик* – бумага от конфеты. *Раздружиться* – перестать дружить. *Помереть* (прост.) – умереть. *Дембель* (разг.) – увольнение из армии. *Побывка* – короткий отпуск военного. *Нечаянный* – неожиданный, внезапный. *Собраться с духом* = решиться. *Гражданка* (военный жаргон) – жизнь вне армии.

Изворачиваться – вынужденно лгать. *Осенить* (книж.) – прийти в голову. *Ризлтер* – человек, организующий продажу и покупку квартир. *Переплачивать* – платить больше реальной стоимости. *Гонорар* – оплата каких-либо услуг. *Провернуть дело* (разг.) – осуществить какое-либо намерение, сделать что-то. *Позарез нужно* (разг.) – очень нужно. *Затруднительное положение* – сложное, неудобное положение. *Замуж выскочить* (разг., неодобрительно) – необдуманно выйти замуж. *Алкаш* (прост.) – алкоголик. *Подвернуться* (разг.) – попасться. *Унять* = успокоить. *Однушка* (разг.) – однокомнатная квартира.

Б. Найдите в словаре значение следующих слов и словосочетаний:

поёживаться, реставратор, виртуоз, аэрозоль, лакировка, воск (воскование), автомойка, клад, гильза, луна, заподозрить (подозревать), подлость, неловкость, раскаяние, сделка.

Задание 2. Прочитайте текст.

Звонок

Вёкшин проснулся под утро и совершенно не ко времени, но с тем острым ощущением радости, что только и отличает доброе пробуждение от дурного. Он потянулся, намереваясь перевалиться на другой бок, *свернуться калачиком* и снова отдаться сладкой *дрёме*, которая тяжёла веки, как вдруг у изголовья зазвонил телефон.

Вячеслав Александрович приподнялся на локте и неодобрительно посмотрел на аппарат. Он дождался четвертого звонка в *тицётной* надежде, что звонивший *опомнится* и прекратит свое *несуразное* в этот час занятие, а затем протянул руку, взял трубку и сказал в неё, как обычно, мягко, с *подъёмцем*: «Алло?». Чужой голос, *искажённый* не то смехом, не то плачем, неожиданно выкрикнул в ухо: «*Подóнок!*..».

Секунду или две Вёкшин удивлённо слушал гудки. Потом положил трубку и включил свет. Часы показывали четверть шестого. Он погасил свет и *завозился* под одеялом, пытаясь уснуть. Он поёживался, то закрывая глаза, то снова открывая, и мысли расслабленно текли сами по себе. Нина еще позавчера уехала в Костромú на встречу реставраторов – и, значит, утро он проведёт в одиночестве. Это радовало: хоть и любил Вячеслав Александрович жену, а все же ценил редкие часы полной самостоятельности.

Фирма сегодня тоже не требовала его присутствия, поскольку Вячеслав Александрович решил взять день отдыха – совершенно справедливый после той полуторанедельной *нервотрёпки*, которой потребовало высвобождение двух грузовиков с *колумбитом*. Груз благополучно проследовал из Роттердама через всю Европу, но неожиданно был задержан на границе с Казахстаном: выяснилось вдруг,

что африканский минерал *фонит*. *Замázать глаза* инспектору оказалось возможным только с помощью шести тысяч долларов (это еще без учета *командирóвочных*), о которых Вячеслав Александрович подумал сейчас не без горечи. Но все-таки удовлетворения он чувствовал больше: в конце концов, поставка чёртова колумбита на Джезказганский металлургический завод *окупилась сторíceй*, а если бы он стал медлить, *ямлить* и экономить, то... скупой, как известно, платит дважды. Кроме того, если бы груз тормозну́ли, упаси господи, где-нибудь в Бельгии, о последствиях было бы страшно и подумать, – и, короче говоря, по совокупности обстоятельств можно было считать, что выгодная торговая операция завершилась самым успешным образом.

Этот нарочно высвобожденный день он обещал посвятить сыну – хочешь не хочешь, а если парень двадцати пяти лет *обзавёлся семьей* и въехал в отдельную квартиру, то без отцовской помощи ему всё равно никуда, вот они и собирались в четыре руки самостоятельно *обиивать лóджию вагóнкой*. Но Валерка позвонил вчера вечером и расстроённо сообщил, что жена простудилась, лежит с температурой и просит перенести их шумную строительную *колготу́* на какой-нибудь другой срок.

Таким образом, *перспективы брёзжили* просто *лучезárные*. Неспешно подняться; так же неспешно принять ванну и побриться; позавтракать не бутербродом, а виртуозно изготовленной яичницей; за третьей чашкой настоящего кофе *со вкусом* полистать газету, а то и *добить* начатый вчера детективчик; пройтись до рынка и наполнить к Нининому приезду холодильник; заглянуть в автомагазин, *с то́лком* выбирать, а затем и купить какой-нибудь аэрозоль для лакировки или воскования; кстати, и на мойку не мешало бы проехаться. И много, много еще чего можно было совершить в этот чудесно приближающийся день.

И вдруг Векшин с содроганием понял, что голос, крикнувший в трубку это гáдкое слово где-то на другом конце города (а может, страны?), ему мучительно знаком – да, знаком, несмотря на то даже, что он не смог даже понять, мужчине он принадлежал или женщине. «Да откуда, к чертям, знакомый?! – мысленно *твердил* он. – Ерунда!.. Ошибка!..» Логически так и выходило: ни один из его знакомых и ни одна из его знакомых, как бы пьян ни напился, в какую бы истерику ни впала, не станет ночью звонить ради того только, чтобы обзывать подóнком... Однако про себя Векшин все же знал, что вовсе не глупости никакие, никакая не ерунда, а реальная вещь, удáвившая среди ночи, как выстрел в ухо: подóнок!

Он еще раз повернулся, натянул одеяло до подбородка, чтобы скорее уснуть... как вдруг его снова тряхну́ло, и Вячеслав Александрович, отбóрсив одеяло, сел на постели. Это было глупое воспоминание, не

имеющее отношения к нему, взрослому, сложившемуся человеку, но почему-то именно оно откуда-то выскочило и засветилось.

Собирались зарыть клад. Колька принес железную коробку из-под конфет. В ней у Кольки лежали все самые ценные вещи: ружейная гильза, осколок зеркального стекла, складная лупа, три разных монеты иностранных государств и другая, как теперь посмотреть, ерунда. Сам же Вячеслав Александрович (тогда просто Славка) коробку принес похуже, картонную, из-под будильника. Что касается содержимого, то оно тоже было не столь щедрым, как у Кольки. *Фантики* какие-то там от шоколадных конфет и золотые бумажки. Но дело-то не в содержимом, а в том, что, когда была тайно выкопана ямка за гаражами и в нее уложены обе коробки, Славка в тот же день направился на памятное место, разрыл яму, вытащил коробки и унес домой, присоединив Колькины вещицы к своим игрушкам. Он даже не помнил, чем кончилось дело. Кажется, еще день или два они ходили с Колькой по двору в обнимку, а потом Колька обнаружил одну ценную вещь и захотел пополнить ею клад. Пошли за гаражи, клада не оказалось, Славка тоже ахал и ужасался, и... что потом? Кажется, Колька его все-таки заподозрил. Но не сказал ни слова. Просто как-то вдруг *раздружились* – и все. Но ведь не Колька же среди ночи назвал его подонком!.. Да и *номер* Колька. Пил, должно быть.

Мысль эта немного успокоила. Но эта ниточка – детство, двор – потянулась дальше и неожиданно вытащила на поверхность лицо Вэри Смелковой – улыбающееся, радостное. За полгода до *дэмбеля* Вячеслав Александрович – отличник боевой и политической подготовки – получил недельный отпуск и приехал на *побывку*. Он столкнулся с Варей в подъезде – и с этой секунды и до того самого мига, как он уехал, мир вокруг был Варей – или Варя стала целым миром; так или иначе, всё вокруг имело цвет ее глаз, звук ее голоса, нежность ее губ и ладоней. Они все решили в первые же минуты этой *нечаянной* встречи. Конечно же, она сообщила всем о скором замужестве; а потом он перестал писать – не мог *собраться с духом* и сообщить, что все поменялось. И когда назначенное время прошло и он вернулся на *гражданку*, то речь шла уже о совсем другой свадьбе... А у нее, должно быть, спрашивали – «Ну что же ты, Варя? Когда же? Нужели он тебя бросил? Как же так?..». И ей приходилось как-то *изворачиваться*... делать вид, что ей это совершенно безразлично! Господи, какая подлость!.. Но что ему было делать?! Чем он был виноват, если...

«А ведь, должно быть, она потому и уехала!» – *осенило* его.

Да! Он-то думал, что это произошло само собой, как многое происходит в жизни... еще и радовался, что Варя больше не появляется перед глазами, чувствовал облегчение, что она так удачно, так вовремя исчезла – просто уехала, избавив от ненужной и бессмысленной

неловкости... А на самом-то деле Варю это соседство мучило куда сильнее... вот в чем дело!

Он встал, вышел в кухню, не зажигая света, взял стакан, нашёл бутылку с минералкой, налил полный, жадно выпил половину. Комок в горле чуть ослаб. Окно смотрело во двор. Взгляд на дом напротив вызвал в нем смутное недовольство. В этом доме напротив он хотел купить квартиру Валерке. Жили бы окна в окна – чем плохо? Но так и не сложилось: были две подходящие, да с одной все было как-то слишком трудно – расселение какое-то, дети малолетние, и вообще история на полгода; а за другую просили такие деньги, что просто себя не уважать...

Он вспомнил *риэлтершу* Любу, которая вела их сделку. Когда Валерка стал обладателем новой двухкомнатной, возникла необходимость продать *однушку*, в которой сын жил прежде. Вячеславу Александровичу не хотелось *переплачивать*, и он предложил Любе заняться этим вопросом. Договорились о сумме *гонорара*, и Люба принялась за *дело*, пообещав, что *провернёт* его дней за двадцать. Так оно и вышло, да только Вячеслав Александрович случайно сказал о продаже своему бухгалтеру, и оказалось, что ему эта квартира *нужна* просто *позарез*. Люба позвонила назавтра, когда уже всё было решено, и радостно сообщила, что есть надежный покупатель. Векшин оказался в *затруднительном* положении, но правды скрывать не стал, а сказал все как есть. «Но как же так! – возмутилась она. – Ведь мы договаривались! Почему теперь вы хотите меня обмануть?!» Она долго говорила о своей жизни, которая, судя по ее словам, была не из лёгких: двое детей, вечные проблемы, все своими руками, все сама, – да хоть бы и так, ведь не он же в этом виноват? Сначала *за алкашей замуж выскочат*, института толком не могут кончить, детей нарожают, а потом – здарсьте вам!.. Короче говоря, Вячеслав Александрович уже все для себя решил, и когда она позвонила в другой раз – теперь со слезами и истерикой, – просто положил трубку.

«Надо было дать ей полторы тысячи!» – с ожесточением подумал Вячеслав Александрович. Одиночество вдруг стало для него мучительным. Он чувствовал себя даже не голым – нет, хуже: казалось, с него слезла кожа. «Она работала почти месяц... бегала с объявлениями... и совсем она не была виновата, что *подвернулся* бухгалтер на такие же деньги...» Надо было дать, да, конечно; нет, он совсем не пожалел денег, нисколько; просто ему показалось, что полторы тысячи – это все-таки слишком много за такую несложную работу.

Держась за голову и растирая виски, чтобы *унять* тикающую боль, он вернулся в постель, но оказалось, что лежать уже не было совсем никакой возможности. Поэтому, покрутившись несколько долгих минут на простыне, Векшин окончательно поднялся, застелил постель, направился в ванную и открыл кран горячей воды.

«А зачем Крикунова? – задался он неожиданным вопросом. – Крикунова-то зачем?!»

Вода пенилась, давно растворив две таблетки лечебной соли, бесполезно уходила в перелив, а Вячеслав Александрович сидел, положив руку на раковину, упёршись потным лбом в ладонь, сотрясаясь от рыданий и чувствуя такую горечь, такую горечь!.. что казалось, сейчас она прожжёт грудь и лужей выльется на пол.

Задание 3. Ответьте на вопросы к тексту.

1. Кто главный герой по роду занятий? Что о нем можно сказать?
2. Что известно о семье героя? Как складываются его отношения с близкими? Как эти отношения его характеризуют?
3. Какое происшествие заставляет героя начать вспоминать жизнь?
4. Кто такой Колька? Какая история с ним связана? Как эту историю воспринимает герой?
5. Кто такая Варя Смелкова? Какие отношения связывали с ней героя?
6. Как оценивает герой свои отношения с Варей?
7. Какая история связана с риэлтершей Любой? Почему Векшину вспоминается Крикунова?
8. За что герой чувствует вину?
9. Кто звонил Векшину? В чем смысл названия рассказа?

Учебное издание

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА

Часть 2

Тексты и задания к практическим занятиям

Составитель

Житенёв Александр Анатольевич

Редактор Е.С. Котлярова

Подписано в печать 13.09.07. Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 2,8.
Тираж 50 экз. Заказ 1755.

Издательско-полиграфический центр
Воронежского государственного университета.
394000, г. Воронеж, пл. им. Ленина, 10. Тел. 208-298, 598-026 (факс)
<http://www.ppc.vsu.ru>; e-mail: pp_center@typ.vsu.ru

Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра
Воронежского государственного университета.
394000, г. Воронеж, ул. Пушкинская, 3. Тел. 204-133.